ПИОНЕР

П 29
34

4

ИЗД-ВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ 1934 г.

К борьбе за рабочее дело будь готов!

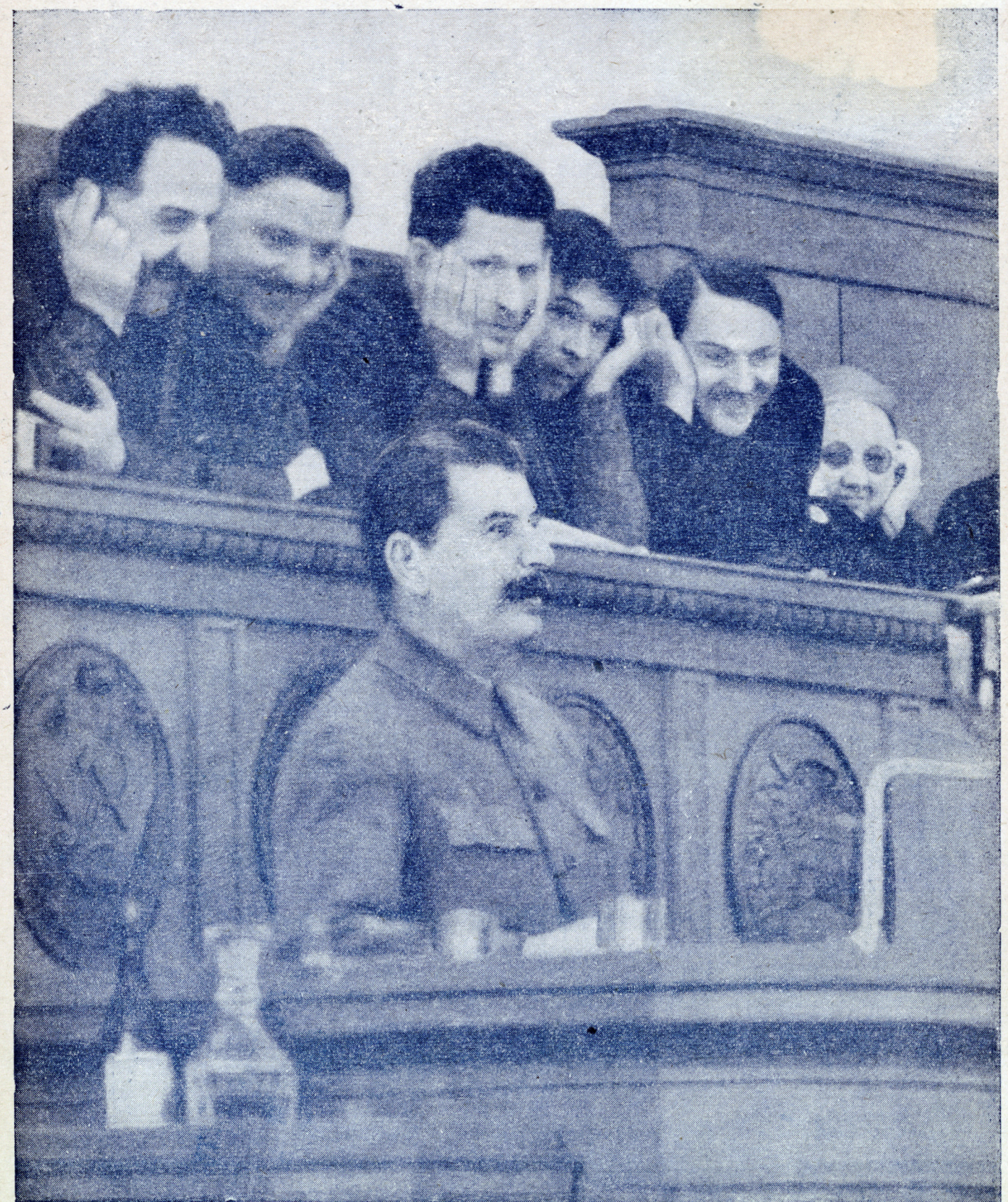
ПИОНЕР

№ 4

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-00-76.

Февраль 1934

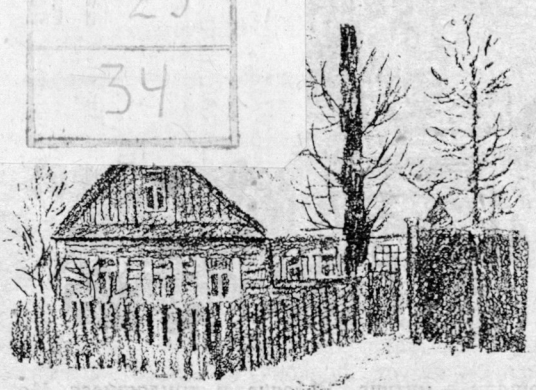
ГОВОРИТ ТОВАРИЩ СТАЛИН



Тов. Сталин на XVII партийном с'езде.

ВЧЕРА и СЕГОДНЯ

29
34
Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1934 г.
Акт. №359



В этом маленьком домике заседал первый с'езд партии 36 лет назад.

На Всероссийском партийном с'езде было всего девять делегатов.

Ленина на с'езде не было: он находился в далекой Сибирской ссылке. Он был выслан за то, что организовал в Питере «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Это был зародыш революционной рабочей партии.

С'езд об'единил «Союзы борьбы» и отдельные кружки социал-демократов в разных городах в единую партию.

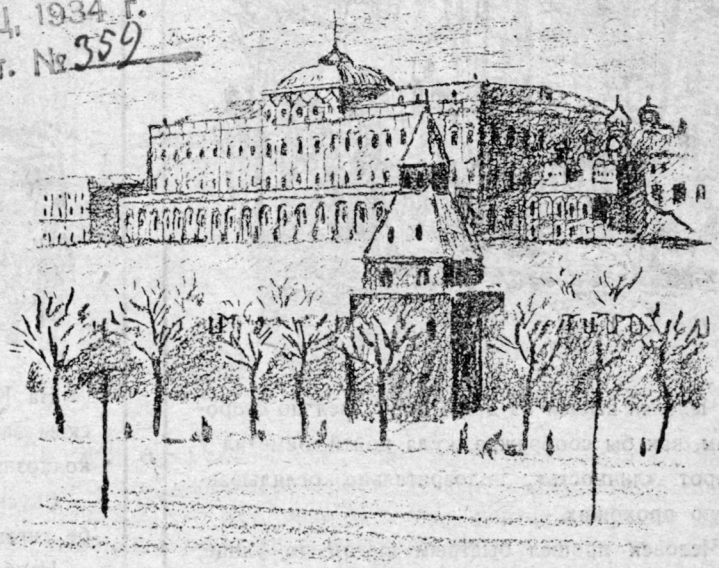
Центральный комитет, выбранный на с'езде, вскоре был арестован.

Второй с'езд партии удалось собрать только через пять лет.

В тесной комнатке собралось несколько человек. Они пьют чай, но говорят в полголоса. Окна занавешены.

Здесь тайком от полиции заседает подпольный комитет большевиков. Идут выборы на партийный с'езд. Делегат поедет заграницу. За ним будут охотиться полицейские. Но он перехитрит полицию: поедет под чужой фамилией, необычным путем, изменит наружность.

Питерский рабочий Бабушкин, ученик Ленина, приехал на II с'езд в Лондон с бородой ярко-фиолетового цвета. Все были очень удивлены. Но дело об'яснялось просто. Перед выездом, чтобы Бабушкина не узнали, ему покрасили бороду. Парикмахер попался неопытный, краска по дороге смылась, и Бабушкин с ужасом увидел в зеркале свою фиолетовую бороду. Он мыл ее всячески, но ничего не помогало. Пришлось побриться. К его счастью, это случилось уже заграницей.



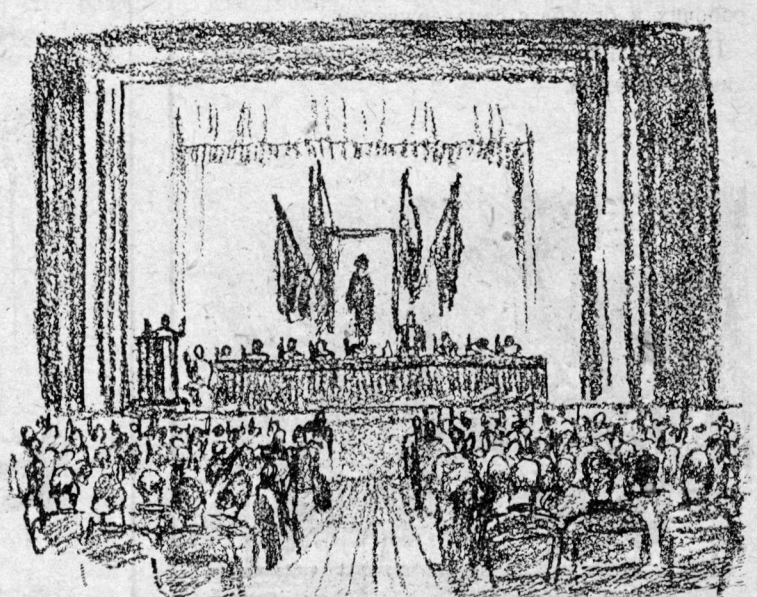
26 января 1934 г. открылся XVII с'езд партии большевиков. 1960 делегатов с'ехались в Москву со всех концов необ'ятной Страны советов.

2 млн. 800 тыс. членов и кандидатов ВКП(б) послали сюда лучших сынов ленинской партии.

В Большом кремлевском дворце собрались строители фабрик и заводов, боевые командиры — зоркие часовые пролетарской страны, организаторы колхозных масс. Здесь встретилось несколько поколений большевизма.

За столом президиума появляется т. Сталин. С'езд, стоя, горячо приветствует вождя партии, бесстрашного и мужественного продолжателя дела Ленина, великого полководца пролетариата.

Так начался великий совет партии — с'езд большевистских побед.



200 большевиков на партийной конференции «Трехгорки» — делегаты фабрики, которая дала за год 163 млн. м. ткани. Они выбирают делегатов на областную конференцию.

На конференции мало говорят о том, что за последние годы 5000 рабочих вселены в новые дома, о том, как выстроена новая столовая, как создан внешкольный комбинат для ребят. Больше разговора о том, что нужно завоевать. И главная тема — о ткани.

На столе президиума лежат образцы тех тканей, производством которых начинается 1934 год. Лучшие сорта сатина, шолк, бельевая материя из тонких пряж, лучший маркизет.

В своем приветствии т. Сталину большевики «Трехгорки» заявили:

«Мы считаем задачу — одеть колхозника и рабочего в хорошую красивую ткань — такой же почетной и обязательной, какой в дни декабрьского восстания была борьба на баррикадах».

Человек вышел из дому, посмотрел по сторонам, как бы соображая, куда пойти. Заметил у ворот «личность», подозрительно оглядывавшую прохожих.

Человек прошел быстрым шагом по улице, «личность» хвостом тянется за ним. Человек нырнул в проходной двор, вскочил на ходу в трамвай. Гончая собака потеряла след, шпик остался где-то позади, но человек не сразу поехал, куда нужно. Он исколесил улицы, нанял одинокого извозчика, переехал на лодке через реку и, наконец, оказался за городом, в лесу. Здесь, в укромном месте, назначена маевка. По дороге стоят дозорные.

Делегат с'езда делает доклад, он призывает рабочих к борьбе с самодержавием.

Нередко рабочие маевки разгонялись казацкими нагайками.

Как ни бережешься от полиции, а в конце концов попадешь в тюрьму. Мало кого из большевиков миновала эта участь.

Особенно много арестов было после поражения революции 1905 года. Многим делегатам V с'езда в 1907 г. пришлось после с'езда сесть в тюрьму. Но и здесь делегат с'езда не теряет времени: он докладывает своим товарищам по камере о решениях с'езда.

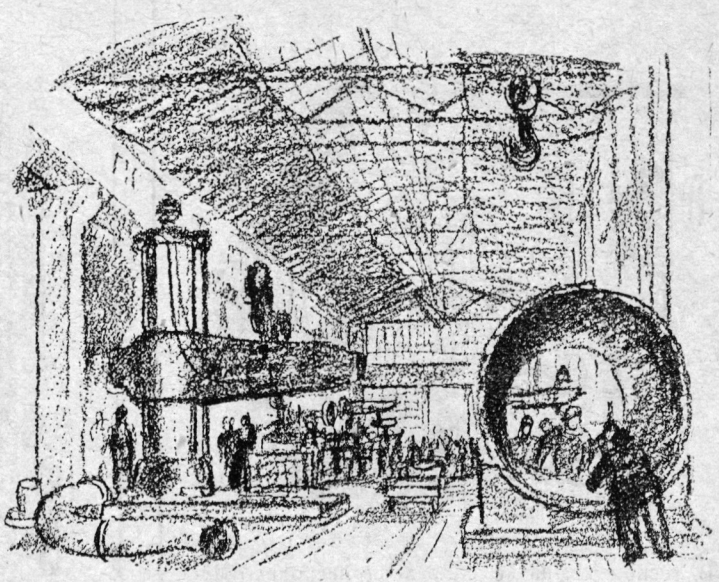
На Красной площади — митинг. Рабочие и трудящиеся Москвы заверяют с'езд в том, что десятки миллионов рабочих и колхозных рук подхватят решения с'езда, претворят их в жизнь.

Спускались сумерки, лучи прожекторов выписали на сером небе гигантскую цифру XVII.

Необозримые человеческие толпы вливаются на площадь, оркестры гремят звучный марш.

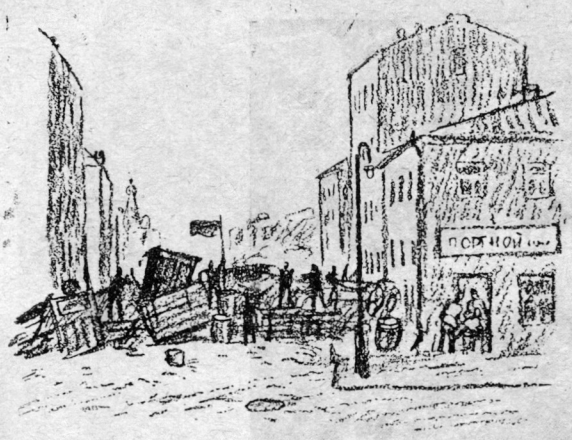
Плотными, несокрушимыми рядами шагают рабочие колонны. Лес знамен и плакатов. По моделям изделий делегаты с'езда видят перед собой на площади в живых лицах заводы, которые стали известны всей стране.

Миллионы трудящихся демонстрируют единство масс, сплотившихся вокруг партии.



Тов. Серго Орджоникидзе с трибуны XVII парт'езда рассказывал, как работает наша тяжелая промышленность. С трибуны с'езда он называл много фамилий директоров заводов, инженеров и хозяйственников. Он рассказывал, как они работают. Многие из них сидели тут же, в зале, и с'езд аплодировал, когда называли их фамилии. Это были лучшие большевики, делом доказавшие свою преданность партии. Тов. Серго Орджоникидзе называл и других, которые работали не так хорошо, и таких, которые работали совсем плохо. С'езд потребовал, чтобы они улучшили свою работу.

Многих делегатов ждут после с'езда огромные заводские цеха, тысячи людей, которых они поведут в бой за выполнение решений партии.



В большом городе на улице встретились две женщины. Одна — с сумочкой, другая — с коробкой конфект. Никто на них не обратил внимания. А между тем в сумочке лежали два револьвера, а в коробке вместо конфект — взрывчатые капсюли.

Женщины весело поговорили и разошлись. А одной из них было совсем невесело.

Женщине с коробкой конфект нельзя ни в коем случае, во-первых, спотыкаться, во-вторых, падать, в-третьих, ударяться обо что-нибудь. Иначе ей грозило быть взорванной на воздух.

Это члены боевой группы большевистской партии несут оружие рабочим. Они выполняют решение III с'езда партии (1905 г.): «Принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата».

И на баррикадах Москвы в декабре 1905 г. у дружинников немало было оружия, заготовленного большевиками.

В Баку, где каждый дом обнесен каменной стеной и где мусульмане не ходят без приглашения к иноверцам, был арендован один домик. Из дома шел подземный ход в конюшню, там работала типографская машина, несколько лет не видевшая солнечного света.

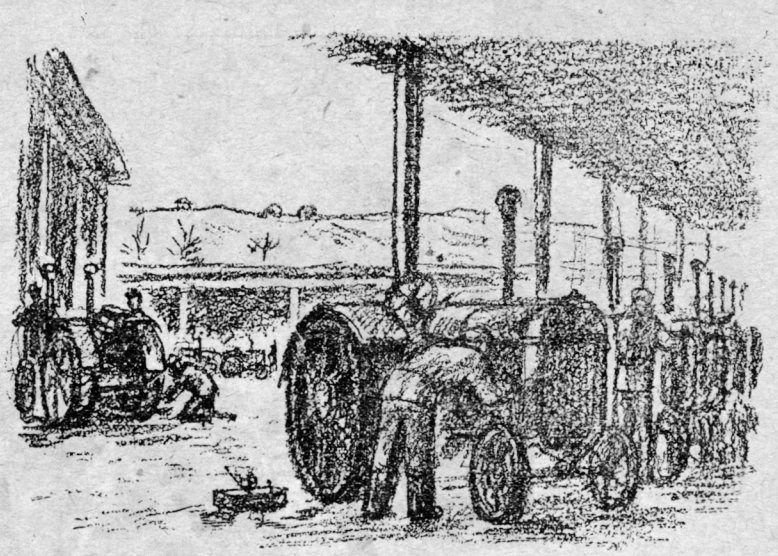
Под видом ящиков с товаром привозилась бумага, а увозились отсюда свежие, пахнущие типографской краской, отпечатанные книги и брошюры.

Эта типография была самым крупным предприятием партии. Первомайский листок, написанный Горьким, был отпечатан в 200 000 экземплярах.

За все время типография напечатала 548 пудов литературы, а из них в руки жандармов попало только 32 пуда.

Типография благодаря жесткой конспирации и железной выдержке работников продержалась три года и не была открыта полицией.

Организаторами типографии были товарищи Сталин, Енукидзе и другие испытанные большевики Закавказья.



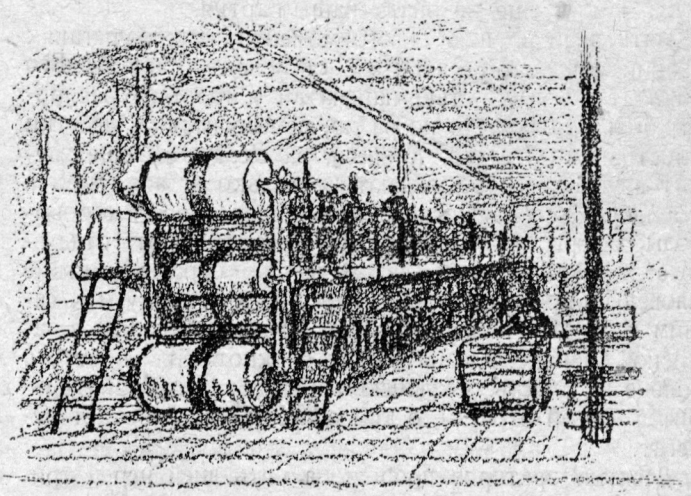
На с'езде было много делегатов — начальников политотделов МТС. Это отобранные ЦК партии, лучшие, испытанные боевые большевики. 23 тыс. коммунистов послала партия в деревню для того, чтобы они стали во главе колхозников и руководили боями за переделку деревни, за высокие урожаи, за зажиточную колхозную жизнь, за большевистские колхозы.

«Работники политотделов сыграли громадную роль в деле улучшения работы колхозов и совхозов»,— сказал т. Сталин на с'езде.

Колхозница Доброва, делегатка с'езда, сказала:

«Если в нашем колхозе в предыдущие годы колхозник получал на трудодень от 300 граммов до 2 кг зерна, то в нынешнем году в нашем районе колхозники получили до 8 кг зерна и от 8 кг до 25 кг картошки. И это в таком районе, где сельским хозяйством раньше совсем почти не занимались.

Мы знаем три задачи второй пятилетки: **повысить урожайность, развивать животноводство, завершить коллективизацию.** Мы эти задачи под руководством т. Сталина и нашей партии выполним».



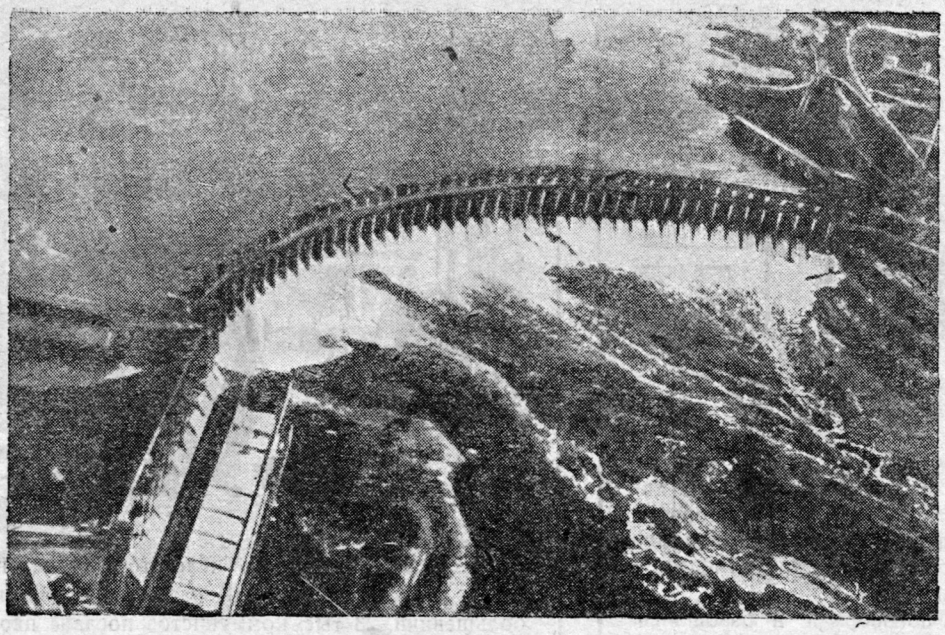
Громадная двухэтажная ротационная машина газеты «Правда» может выбросить 9.000.000 экземпляров газеты в час.

Специальные самолеты перевозят матрицы «Правды» в Ленинград. По этим матрицам номера «Правды» выходят в один день и в Москве и в Ленинграде.

Пилот **Водопьянов** доставил матрицы номера от 26 января, 27-го, через 40 минут по возвращении из Ленинграда, он вылетел обратно с матрицами нового номера.

Из-за отсутствия снега на ленинградском аэродроме т. Водопьянову не удалось сделать посадки, так как самолет был на лыжах.

Сделав круг над аэродромом, он сбросил матрицы и вылетел в Москву. В 14 час. 50 мин. с'ездовский номер «Правды» начал печататься в Ленинграде.



Великая стройка первой пятилетки—могучий Днепрогэс

У ВЫСОКОЙ ТРИБУНЫ

Мих. Кольцов

Из зала с'езда

Быстро идет вперед этот удивительный с'езд — с'езд, каких еще не знала наша партия.

Пять дней прошло с того момента, как в ураганах оваций сошел Сталин со ступенек трибуны. Его доклад уже полностью напечатан в газетах, распространен и подхвачен по радио, переводится на десятки иностранных языков. А здесь, на с'езде, он еще звенит в ушах, его обсуждают не только в зале, но и в коридорах, собравшись группами, перебирают его выводы, цифры, сравнения, оценки, повторяют отдельные характеристики, сатирические образы, меткие словечки, применяют их нередко друг к другу и к самим себе. И у каждого делегата припрятана или в записной книжке, или на листке блокнота, или просто в голове та часть сталинской речи, в которой говорится о той отрасли, о той области, где работает делегат.

Десятки ораторов прошли за пять дней через трибуну с'езда. Каждый из них пришел со своими нуждами, с рассказом о своих победах и слабостях, каждый из них восхваляет или критикует какую-нибудь часть работы, нападает или защищается, доказывает или опровергает. Но никто из них не миновал политического отчета: сказано немногословно, но всеоб'емлюще, кратко, но обо всем.

Знакомые партии фигуры появляются на трибуне. По-разному встречает их с'езд, по-разному слушает, по-разному провожает. Очень поучительны эти встречи и проводы.

Ни чином, ни званием, ни важностью занимаемого поста, ни заслугами былых и старых лет, ни блеском ораторского искусства нельзя купить отношение с'езда. Но только одним.

Когда новый оратор появляется на трибуне, с'езд смотрит на него и одно мгновение размышляет.

Одно мгновение зал измеряет и взвешивает. Зал вспоминает, что и как делал оратор эти три с половиной года между с'ездами.

Как командовал доверенной ему колонной трудного похода за социализм? Как организовал своих бойцов? Как боролся сам? Прибавил ли что-нибудь к большевистским завоеваниям и трофеям? Много ли прибавил? Или, может быть, мало? Или ничего не прибавил? Или даже убавил своим равнодушием, слабостью, нерешительностью, шатаниями.

И чем больше наличный, конкретный баланс выступающего оратора, чем вещественнее сумма свершенных для социализма дел, тем жарче аплодисменты и внимательнее зал. И чем беднее этот баланс, тем холоднее и равнодушнее зал, хотя бы оратор расточал перлы красноречия и потрясал микрофон громчайшими клятвами о верности линии партии и руководству.

Говорят секретари крайкомов и обкомов. Они говорят о чугуне и пшенице, о текстильных красителях, о жилищном строительстве, о каменном угле, об апельсинах, о стекольной промышленности, о колхозных конюшнях, о стрижке овец, о радиотелефоне. С'езд слушает их одобрительно, но строго, чутко внимая конкретным вопросам и пропуская общие, агитационные места. Подчеркивая именно такой характер с'езда, Сталин напоминает Икрамову в конце его прекрасной и яркой речи о том, что хлопка надо все-таки прибавить.

Надежда Константиновна Крупская

Говорят большие начальники, руководители важнейших отраслей хозяйства. Их ведомства с суровой прямотой раскритиковал т. Сталин. Нечего возразить на эту критику: начальники стараются дополнить и раз'яснить ее добавочными примерами и уточнениями. Не всем это одинаково удается, и не всегда это нужно. Зал слушает вежливо и терпеливо, но делегаты хмурятся и качают головами, они хотели бы услышать от больших начальников что-нибудь покрепче, погорячей, поубедительнее.

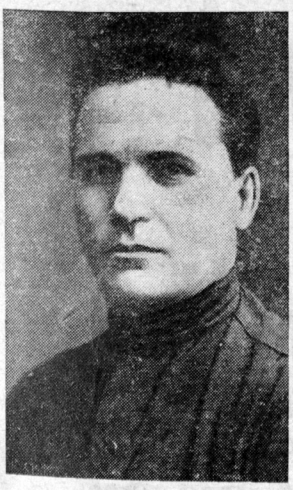
Говорят бывшие оппозиционеры; они разбили свое отравленное оружие о партийный гранит, и теперь блудные сыны стучатся в дверь с повинной головою. И их по-разному принимает, провожает с'езд. Одним готов выразить доверие в знак поощрения их будущей работы. Речи других зал сопровождает равнодушным шелестом газет, стуком открываемых пюпитров. Они безоружны, бессильны и даже искренни. Но все ли из них сохранили свою энергию, свой боевой пыл, чтобы бороться в первом ряду большевистской армии? Не растрачен ли этот пыл, не истощены ли силы в годы их борьбы с ленинизмом, с партией, со Сталиным?

Тов. Косарев, генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ

Есть совершенно замечательные выступления в первые же дни XVII с'езда. Они сохранятся не только в стенограммах, они долго будут жить как сильные и действенные боевые документы в борьбе за социализм.

Седая Надежда Константиновна с неугасающей силой и преданностью своему делу говорит о рабочем просвещении, о грамотности, о библиотеках, о школах, о необ'ятных возможностях для поднятия культуры, какие получил рабочий класс теперь, построив фундамент социалистического общества.

Молодой, полный энергии и стремительности, Косарев всходит на трибуну и в горячей своей речи включает в с'езд ток сильнейшего напряжения—бьющую через край, неистощимую силу четырехмиллионного комсомола, его верность партии, его отвагу, его готовность и горячность.



Тов. Киров, вождь ленинградских большевиков

Говорит Киров. Простой, удивительно простой склад речи, простой и при этом наполненный какой-то скрытой движущей и волнующей силой. Киров говорит спокойно, не повышая голоса, но внутренняя сила речи все растет, подымая слушателя, растет и рвется наружу, пока наконец не прорвется в буре аплодисментов, и тогда умолкает этот лучший из ленинградских большевиков, пережидает бурю и опять спокойно, серьезно продолжает, чтобы опять сосредоточить, опять воодушевить с'езд и опять сплотить его в новом громе аплодисментов.

Тов. Серго Орджоникидзе, нарком тяжелой промышленности

Говорит Серго—полководец пролетарской индустрии. Говорит живо, со страстью, с юмором, но и с напором, властно, внушительно. Для него все вопросы промышленности, поставленные Сталиным,—это живые вопросы, воплощенные в конкретных об'ектах: в заводах, в директорах, в живых людях. Он говорит об этих заводах, называет их, хвалит и ругает заводы. «Хор-роший завод!»... «Плохой завод!»... Он хвалит Макарова, директора Сталинского завода, хвалит и тут же окликает по именам других директоров, ставит им Макарова в пример. Весь с'езд вместе с Серго путешествует по бесчисленным предприятиям советской промышленности, видит их сильные и слабые места, слышит, как большевистский нарком управляет этими предприятиями, ведет их вперед.

А вот полководец уже не в переносном, а в прямом смысле, любимец всей партии, с серебряными висками, но вечно юный и свежий Клим Ворошилов—руководитель вооруженных сил пролетариата; чувствует ли он, сколько теплоты и дружбы в этих нескончаемых овациях, какими встречают его две тысячи лучших избранников партии? Он говорит и выступает не только как военный, он выступает как старый большевик, один из вождей партии, чутко следящий за всем хорошим и плохим в сельском хозяйстве, на железных дорогах, в новых политотделах. Он сравнивает свой старый боевой армейский опыт с новыми задачами в тылу страны, у него наш транспорт—тоже армия, пусть не воюющая, но действующая армия, и к этой важной армии он относится как командир, как боец, как старый фронтовой политработник. Оруженосцем Ленина называет он Сталина. Но и сам он, Клим Ворошилов, оруженосец партии Сталина, неутомимый и бдительный, большой государственный человек и неукротимый революционер; только такой и может нести на плечах звание военного министра громадной пролетарской державы в эпоху, насыщенную предвестиями войны.

Клемент Ефремович Ворошилов, нарком по военным и морским делам

Еще и еще меняются лица на трибуне партийного с'езда. Вот и последний момент прений по политическому отчету. Опять ураганы аплодисментов, опять Сталин всходит по ступенькам трибуны.

Он несклонен говорить заключительную речь. Есть ли в этом надобность, когда доклад не вызвал споров, когда партия едина как никогда?

— Я думаю, что нет такой надобности.

И в этом его нежелании говорить только подтверждается то, что уже сказано: как надо пользоваться высокой партийной трибуной с'езда, как надо большевикам пользоваться трибунами и выступать во всей нашей стране, занятой погорло великой работой.

ГОВОРИТ ТОВАРИЩ СТАЛИН

Когда герои ледовитых морей открывали полюса земли, за их путешествием следил весь мир, когда разведчики стратосферы поднимали потолок земли, во всех странах следили за каждым километром их под'ема.

Однако за многие годы не было случая, чтобы весь мир прислушивался, не пропуская ни одного слова, к четырехчасовой речи одного человека. Каждое слово этого оратора обошло весь мир и каждое его слово близко касалось каждого человека на земле.

Мир разделен на две части: угнетателей и угнетенных. Слово его вооружало и поддерживало угнетенных и было грозным предостережением угнетателям.

Имя оратора—Сталин, речь его—отчет партийному с'езду большевиков о том, как руководил Центральный комитет великой борьбой партии рабочего класса за социализм.

Кризисы — не новое явление для капитализма: они бывали и раньше, но никогда не было еще такого затяжного и тяжелого, как сейчас; он продолжается пятый год; он захватил все страны, а в них и промышленность и сельское хозяйство; он разыгрался сейчас, когда капитализм не имеет уже такой силы, как до войны и Октябрьской революции.

В то время как капиталистические фабрики закрывались, производили все меньше и меньше товаров, советские предприятия росли. Бушует кризис у капиталистов—растет и крепнет Советский союз. По таблице из речи т. Сталина мы нарисовали диаграмму; она показывает, как кризис снижал уровень промышленности отдельных стран по сравнению с ростом ее в СССР.

За последний год капиталистическая промышленность стала немного подниматься, но это не значит, что дело идет к расцвету. Капитализм немного облегчил положение своей промышленности за счет рабочих и крестьян, он выжимал еще больше труда из рабочих, еще меньше платил крестьянам за их продукты, но это не спасает капитализм от общего кризиса, от безработицы, от недогрузки предприятий.

А трудящиеся живут все хуже и хуже, десятки миллионов рабочих остались без работы, им нечем жить.

«Народные массы не дошли еще до того, чтобы пойти на штурм капитализма, но идея штурма зреет в сознании народных масс»,—говорит т. Сталин.

Революция сбросила фашистское правительство в Испании. Растут советские районы в Китае.

В Германии пришли к власти фашисты, но это показывает не силу буржуазии, а ее слабость. Она не может больше обманывать трудящихся видимостью свободы, ей приходится управлять страной при помощи маузеров и пулеметов.

«Идея штурма зреет в сознании масс»,— сказал т. Сталин. Его слова оправдались. Через несколько дней, 9 февраля, поднялся против наступления фашизма рабочий Париж. «Пулеметы на улицах Парижа»—с такими заголовками выходили газеты. Всеобщая стачка охватила страну. 4 миллиона рабочих прекратили работу.

Под Веной загремели орудийные выстрелы. Вся Австрия была охвачена огнем рабочего восстания. Рабочие дрались как львы; рабочие кварталы Вены превратились в пролетарские крепости. Артиллерией громили правительственные войска дома, сплошь заселенные рабочими. Социал-демократические вожди, которые старались удержать рабочих от борьбы, дезертировали, когда рабочие вышли на улицу. Рабочие сражались отдельными отрядами без единого руководства и были разбиты. Но «идея штурма зреет в сознаний масс», к следующему бою они выйдут едиными, под одним знаменем коммунистической партии Австрии и с этим знаменем придут к победе.

Кризис обостряет отношения между капиталистическими странами, каждая ищет выгодного рынка для своих товаров, которые трудно сбыть у себя. На очереди война.

Разные буржуазные политики поразному пытаются организовать войну. Есть четыре плана войны.

Первый военный план: начать войну против сильного соперника—сильной страны, великой державы. Такая война была организована в 1914 г. против Германии, но она никого не спасла. В России после войны победила революция, разгромленная Германия снова готовится к войне.

Второй военный план: начать войну против слабой страны с большой территорией, где можно выгодно сбывать свои товары, например против Китая, который слаб и разделен на части. Но из этого тоже ничего хорошего для капиталистов не получится. Народ будет драться за свою независимость и об'единит свою страну. Так было с Германией и Италией сто лет назад. Так может случиться теперь и в Китае.

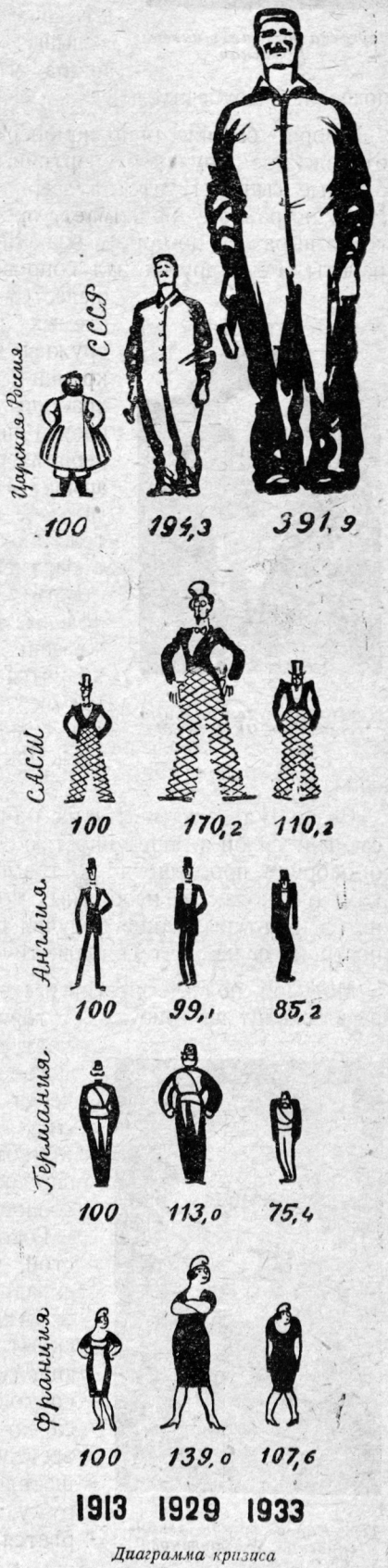


Диаграмма кризиса

Третий военный план: «высшая раса» должна начать войну против «низшей». «Наука» о высших и низших расах выдумана германскими фашистами, чтобы оправдать свои военные планы против других народов. Эта «наука» так же далека от истинной науки, как небо от земли, говорит т. Сталин. И кроме того, где гарантия, что низшие расы, к которым фашисты относят и народы СССР, не опрокинут «высшую»—фашистскую.

Четвертый военный план: начать войну против СССР. Так думают военные круги не только Японии, но и некоторых других стран, но и это ничего хорошего буржуазии не принесет, это самая опасная для буржуазии война. Народы Союза будут драться за революцию насмерть. Пусть буржуазия не забывает, что у нее в тылу наши братья и друзья—трудящиеся их же стран, и в результате такой войны «буржуа могут не досчитаться некоторых близких им правительств».

«Таковы военные планы запутавшихся буржуазных политиков,—говорит т. Сталин.—Как видите, они не блещут ни умом, ни доблестью».

Пока буржуазные политики готовят войну, Страна советов укрепляет свою мощь и борется за мир.

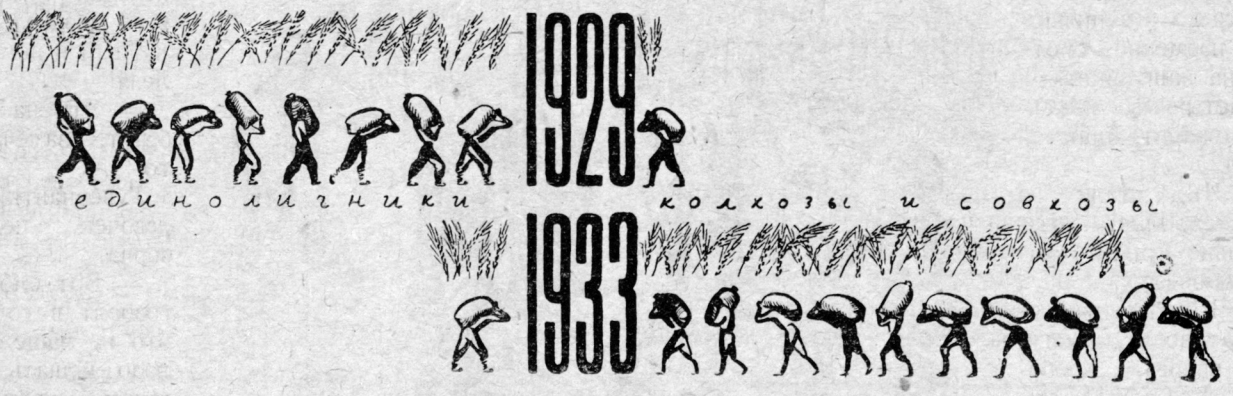
В этой борьбе, опираясь на свою силу, на поддержку рабочих всего мира, на могучую Красную армию, рассчитывая на то, что все буржуазные страны потеряли голову, стремясь к войне, мы одержали ряд побед за мир.

За последнее время Советский союз добился улучшения своих отношений со многими странами.

Мы добиваемся улучшения наших отношений и с Японией, но в случае нужды мы сумеем ответить ударом на удар, а наши дальневосточные границы защищены неплохо.

«Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами, тот всегда найдет у нас поддержку. А те, которые попытаются напасть на нашу страну, получат сокрушительный отпор, чтобы впредь неповадно им было совать свое свиное рыло в наш советский огород»,—сказал т. Сталин и с'езд ответил ему громом аплодисментов.

ТАБЛИЦА НАШИХ ПОБЕД



О ЧЕМ ГОВОРИТ ВЕРХНЯЯ ТАБЛИЦА

Она говорит о том, как под руководством ленинской партии выросла за эти годы колхозная сила в нашей стране.

«Это значит, что колхозы и совхозы вместе стали такой силой, которая решает судьбу всего сельского хозяйства и всех его отраслей».

«...Если добавить к этому тот факт, что колхозы сдали в 1933 г. государству по всем видам поступлений более миллиарда пудов зерна, а единоличные крестьяне, выполнившие план на все 100%, сдали всего около 130 миллионов пудов, тогда как в 1929—1930 гг. единоличные крестьяне сдали государству около 780 миллионов пудов, а колхозы не более 120 миллионов пудов,—то станет ясней ясного, что колхозы и единоличные крестьяне за отчетный период полностью переменились ролями, причем колхозы стали за это время господствующей силой сельского хозяйства, а единоличные крестьяне—второстепенной силой, вынужденной подчиняться и приспосабливаться к колхозному строю.

Надо признать, что трудовое крестьянство, наше советское крестьянство, окончательно и бесповоротно стало под красное знамя социализма» (СТАЛИН).

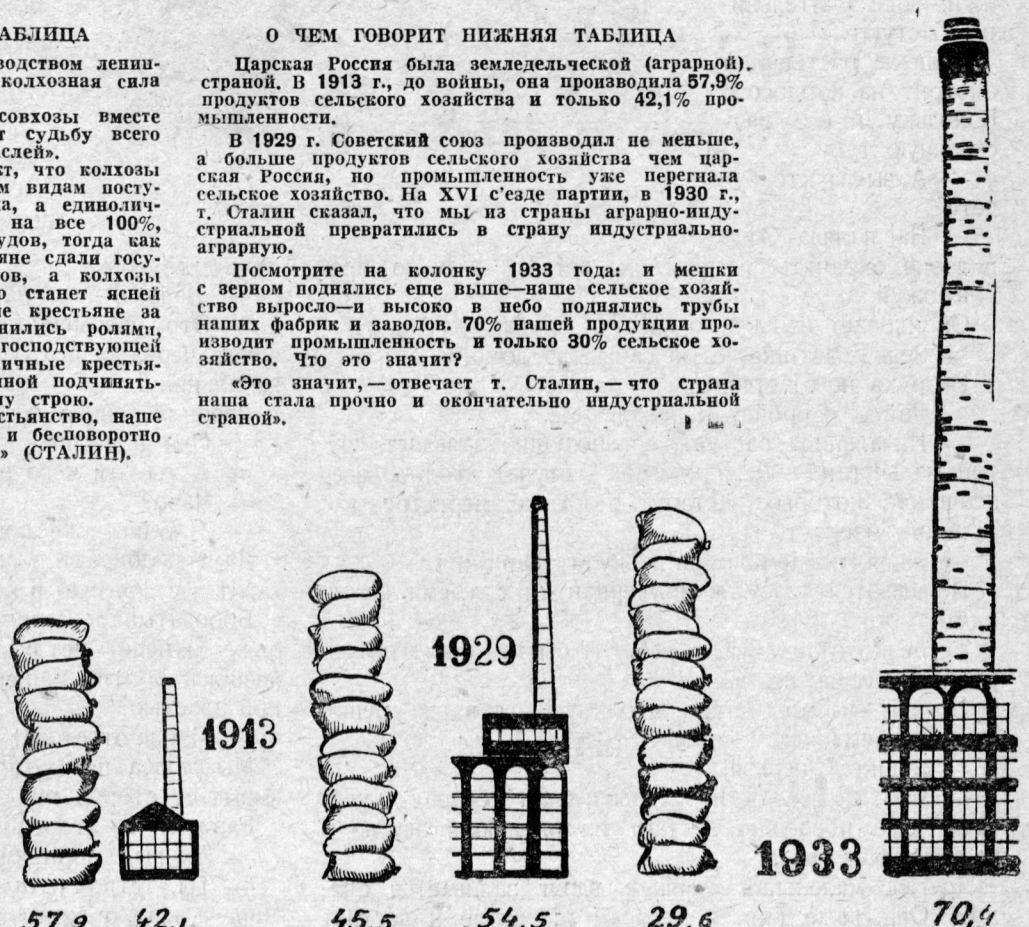
О ЧЕМ ГОВОРИТ НИЖНЯЯ ТАБЛИЦА

Царская Россия была земледельческой (аграрной) страной. В 1913 г., до войны, она производила 57,9% продуктов сельского хозяйства и только 42,1% промышленности.

В 1929 г. Советский союз производил не меньше, а больше продуктов сельского хозяйства чем царская Россия, но промышленность уже перегнала сельское хозяйство. На XVI с'езде партии, в 1930 г., т. Сталин сказал, что мы из страны аграрно-индустриальной превратились в страну индустриально-аграрную.

Посмотрите на колонку 1933 года: и мешки с зерном поднялись еще выше—наше сельское хозяйство выросло—и высоко в небо поднялись трубы наших фабрик и заводов. 70% нашей продукции производит промышленность и только 30% сельское хозяйство. Что это значит?

«Это значит,—отвечает т. Сталин,—что страна наша стала прочно и окончательно индустриальной страной».



БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

Рассказ А. Баутина *Рис. Эльконина*

Нашему пикету был дан ответственный пост. Мы стали дозором у ворот частной женской гимназии Спиридович.

На всей рабочей Пресне не было гимназий. Только на Малой Грузинской была особая школа для «маменькиных дочек». Они учились за высокую плату, чтобы не смешиваться с толпой простого народа. Няньки и гувернантки приводили их в школу и отводили домой.

Трудная задача выпала на долю нашего пикета. Свирепые толстые няньки и гневные «барыни» представлялись нам волчицами. Мы стали на пост у калитки. Ждем.

Вот торопливо идет девочка. За нею еле поспевает старая няня в белом фартуке; несет книги. Девочка причесана как взрослая дама: в волосах — шпильки. Она надменно смотрит на наш пикет.

Одеты мы неважно — значит, простой народ.

— Что стали на дороге? Няня!—повелительно кричит «барышня».

— Школа закрыта, — говорит, выступая вперед, Хлебожуй.—Все учительницы бастуют.

Нянька растерянно смотрит на курносого Володьку и его рассеченную губу.

— А вы-то кто будете?

— В школу нельзя!

— Нас наняла Спиридович охранять господских детей, — смело врет Хлебожуй.

Он хлопает няньку по плечу и прибавляет:

— Веди, бабушка, свою барышню домой!

Старуха не сдается.

— Дайте, я пройду к начальнице.

— Начальница бастует,—равнодушно заявляет другой мальчуган. — Если хочешь — ступай; только всех девчонок, которых застанут в классе, перестреляют, а школу взорвут.

— Няня, пойдем домой!—скулит барышня.

Появляются сразу две гувернантки с тремя девочками.

Те резко отталкивают ребят и быстро бегут по дорожке к дверям школы.

Но тут мы все пятеро, столкнувшись в ряд, решительно преграждаем дорогу.

— В школу нельзя!

— Что за глупости? — взвизгивает старая худая дама. Она поспешно достает из ридикюля пенсне и разглядывает нас.

Другая, маленькая румяная, вдруг заливается смехом. Она тоже роется в своем ридикюле и достает серебряный двугривенный.

— Рюски народ шудак! Им надо дать на шай.

Смех гувернантки обрывается. Викентий, наш одноклассник «Викеха», бьет прутом по пухлой руке дамы, и двугривенный, звеня, летит на тротуар.

— Что тут такое?—около ворот собирается кучка любопытных.

Коля Зернов внезапно является на помощь. Этот рослый шестнадцатилетний парень с ясными серыми глазами становится центром внимания. Несколько его слов сразу успокаивают всех.

— Граждане! Эти ребята—школьный пикет. Сегодня у всех школ стоят такие пикеты. Фабрики и школы бастуют. Сударыня! Ведите ваших воспитанниц домой и не собирайте толпу!

— Рюски народ — шорт!—негодует полная дама.—Вчера маленькая мальчишка взял двадцать копеек на шай и не драл моя Леля!

— Эти на чай не берут,—замечает кто-то.

Гувернантки уводят девочек, недовольно ворча.

— Вот оно что! — говорят в толпе.—Да, это не наше дело. Не надо мешать мальчуганам исполнять их обязанности.

Народ моментально расходится.

Мы попрежнему стоим на часах.

К воротам под'езжает коляска, из нее выходит раздушенная дама с дочерью.

— Нельзя!—мы наступаем на них тесным строем.

— Это—форменный террор! — вскрикивает дама и вопит через решотку: — Дворник! Позови сейчас же начальницу!

Дворник лениво отзывается:

— Они еще спят.

— А ты сам чего рот разинул! Гони этих босяков!

— Чаво?

— Я сейчас же пошлю за приставом...

Дама подбирает огромный шлейф и, шурша шолком, садится с дочерью в коляску.

Бородатый дворник надевает на фуражку медную бляху и берет метлу. Потом приближается и, остановившись против нашего пикета, говорит с равнодушной злостью:

— Марш отседова!

Мы молча переходим улицу. Но дворник уходит и вызывает сторожиху. Мы снова на посту.

Раз'яренная сторожиха выбегает за ворота.

— Ах вы, озорники! Подзатыльника захотели?

— Ты, тетка, и сама не бастуешь и другим не даешь, — дерзко кричит Викеха и поднимает камень. Черные глаза его и белые зубы нагоняют на сторожи-

ху страх. Но она подбочеинвается и орет на всю улицу:

— А ты чего расходился? Ишь, Аника-воин! Да он еще с камнем! Ах, разбойник! Да это — настоящий Амелька Пугачов!..

Несколько «маменькиных дочек» тем временем успели прорваться в школу и засели там как в крепости. Два раза выходила на крыльцо начальница Спиридович. Силы наши стали ослабевать.

Но тут положение внезапно изменилось. Коля Зернов привел нам на смену целый отряд девочек. Это были дети рабочих и ремесленников; они пылали ненавистью к чистеньким барышням и были незаменимы в пикете. Коля набрал их на нашем дворе.

Став на пост, Лушка, дочь сапожника, больно стегнула сторожиху прутом. Та захлопнула калитку, а девчонки стали просовывать сквозь решотку ворот прутья и дразнить бабу, как львицу в клетке. Поднялись гам, ругань. Но тут воздух прорезал пронзительный крик:

— Спасите! Мама-а-а! Бьют.

Весь девичий пикет обернулся, и пошла потасовка. Ватага пикетчиц набросилась на девочку-ученицу лет пятнадцати. Одни царапали ее, другие драли ее за волосы. Тетради и книги полетели на тротуар.

— Так! — кричали девчонки.

— Бей ее! Это дочь пристава Шестакова! Тоже благородная!

Подбежал Зернов.

— Стойте! Не трогать ее!

Пикет отступил.

Бледная курносая девочка плакала. Шляпа ее была разодрана, книги разбросаны. Зернов помог собрать их и сказал:

— Не бойтесь. Идите домой, вас никто не тронет.

— Проводите меня в школу.

К воротам под'езжает коляска.

— Школа бастует.

В этот момент дверь под'езда открылась и к воротам подошла сама начальница Спиридович.

— Господа!—обратилась она к девчонкам.—Школа присоединяется ко всеобщей октябрьской стачке. Не шумите у меня под окнами. Уходите!

И она прилепила к воротам об'явление:

«По независящим от администрации причинам занятия в школе приостанавливаются до следующего понедельника».

Мы победили.

А в двенадцать часов дня провыли над Москвой тревожные гудки фабрик и паровозов.

Это был сигнал заводам, еще не присоединившимся к великой октябрьской стачке.

Рабочая Пресня забастовала дружно.

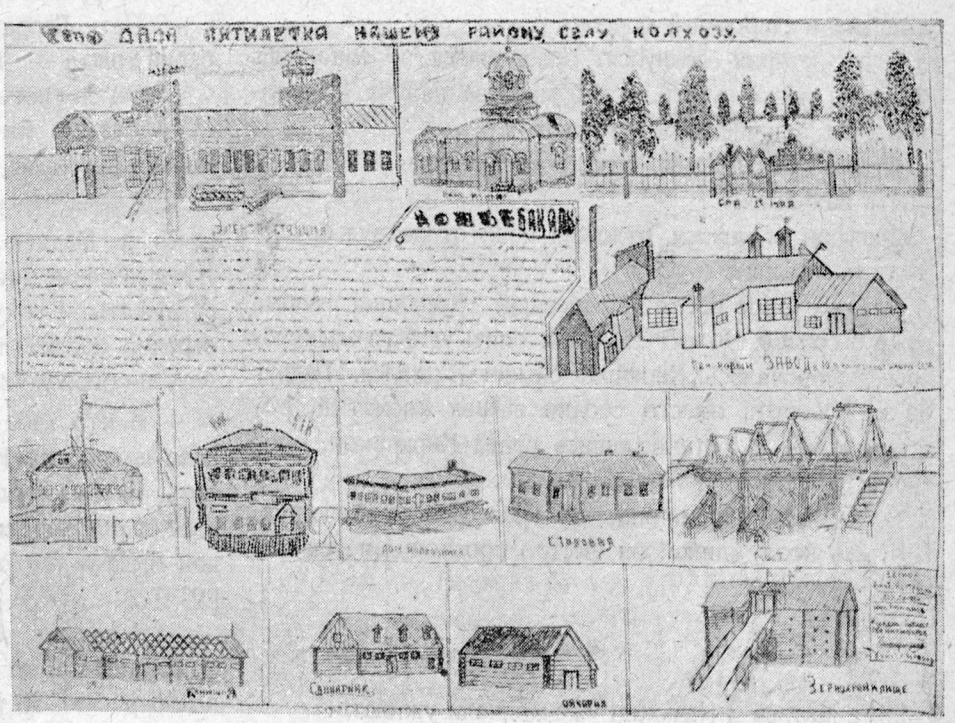
КОНКУРС ДОКТОРА ЗВЕНОВОГО

Мы, ребята деревни Мокроносово, Северного края, включаемся в конкурс доктора Звенового. Мы напишем, как пятилетка изменила наш колхоз и деревню.

Сначала мы пошли по своей деревне, чтобы кое-что зарисовать. Сперва мы пошли в сарай, где стояли машины, чтобы их осмотреть и зарисовать. В 1928 г. у нас никаких машин, кроме плугов и сепараторов, не имелось. А сейчас у нас есть несколько машин: сеялка, жнейка, молотилка, триер, соломорезка.

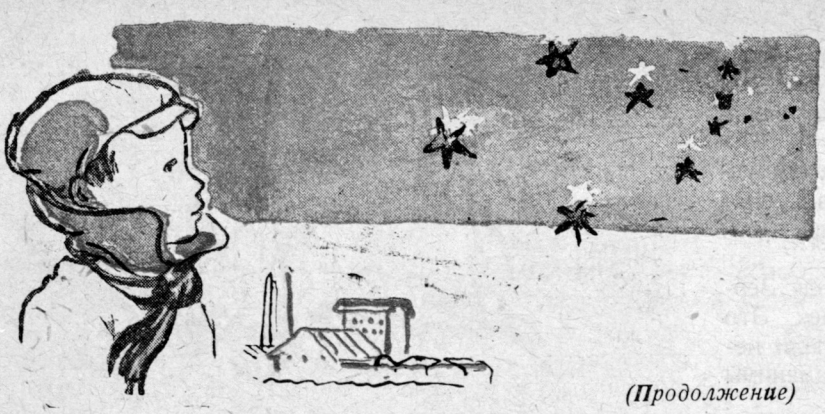
Оттуда мы отправились на скотный двор. По дороге перешли новый мост через речку, речка расчищена, нет больше трясины и грязи... На берегу пожарный сарай с бочками и ведрами, это тоже сделано за первую пятилетку. Пришли на скотный двор, там стоят бык племенной и хорошие коровы. Только им пока тесно. Скоро будут строить большой скотный двор и склад.

В этом году у нас построена новая школа, в которой учатся все ребята школьного возраста.



В колхозе облегчился труд детей и взрослых при помощи машин, но все же у нас в колхозе машин еще недостаточно. Это потому, что наш колхоз недавно организовался, в 1932 г., но мы думаем во вторую пятилетку он изменится больше и жить нам будет легче.

В. А. Тихонов, И. Н. Смирнов



Синие звезды

Повесть А. Гайдара
Рисунки Ф. Полищук

(Продолжение)

Кирюшка очутился на полянке, поперек которой стояла низкая изба; рядом с избой—двор, а за двором уже стучала колесами улица.

Запыхавшийся Кирюшка осмотрелся: нельзя ли как-нибудь выбраться на улицу, минуя чужую усадьбу? Но оказалось, что нельзя никак. Тогда, крадучись вдоль стены, Кирюшка направился через двор. Но едва он добрался до освещенного окошка, как впереди, за углом избы, что-то заскреблось, заворочалось.

— Собака! — ахнул Кирюшка и притих.

Так простоял он с минуту, не решаясь двинуться ни назад, ни вперед.

Он уже заглянул в окно, чтобы крикнуть на помощь хозяев, но не крикнул, так как увидел следующее:

На постели, широко раскинув руки, лежал могучий седой старик и храпел так, что слышно было даже через окошко. Повидимому, он был пьян.

За столом возле керосиновой лампы сидел горбатый Фигуран и что-то писал, время от времени искоса посматривая на старика.

Рядом с Фигураном лежали большой нож, сапожная колодка и точильный брусок.

Вдруг старик двинулся, заворочался и закашлял. Фигуран ловко сунул лист бумаги за пазуху и, схватив нож, зачиркал им о точило.

Старик откашлялся, грузно перевалился к стене и опять захрапел.

Фигуран оглянулся, отложил нож, отодвинул брусок и опять вытащил бумагу.

На некоторое время оробевший Кирюшка забыл даже о собаке. Но тут за углом опять что-то заскреблось, заворочалось. Кирюшка с'ежился, сжался. И вдруг из-за поворота вместо собаки вышел косматый, рогатый козел и, остановившись перед Кирюшкой, противно замемякал: «Ме-е! М-я-я-а!».

— Ах, чтоб тебе пропасть! — рассердился Кирюшка.

И, дав козлу пинка, он быстро проскочил через калитку на улицу.

*

Дома Матвей и Калюкин уже кончали ужинать:

— Ты откуда? — строго спросил Матвей у Кирюшки, который боком пробовал юркнуть за печку.

— Так мне же, дядя Матвей, мать сама наказывала, чтобы я не сидел дома, а больше гулял, — быстро вывернулся Кирюшка. — Вот я пошел гулять и все гуляю, гуляю. Даже надоело!

— Гулять тоже надо с толком, а не когда попало, — ответил Матвей и, подозрительно оглядев Кирюшку, спросил:

— А отчего это у тебя пальто глиной заляпано и вроде как бы поперек рожи царапины?

— Пальто... Это оно просто так... А царапина? Царапина это оттого, что где-нибудь обцарапнулся, — поспешно об'яснил Кирюшка и быстренько нырнул за печку раздеваться.

Его позвала Калюкиха и налила ему миску щей. Пока он хлебал, Матвей и Калюкин курили и разговаривали.

— Рядом кто живет? — спросил Матвей, показывая на толстую бревенчатую стену.

— Путятин Егор. Он — многосемейный. А там большие горницы, — ответил Калюкин. И, вспомнив что-то, он, подскочив к стене, постучал кулаком и закричал:

— Егор, а Егор!

— Нету Егора, — чуть слышно ответил из-за стены бабий голос. — Тебе что?

— Он на третьем участке пашет, что ли?

— Нет не на третьем, а на втором. На третьем Мишка Бессонов.

— Голову оторвать этому Мишке надо, — оборачиваясь к Матвею, сказал покрасневший Калюкин. — Я после обеда поехал на мельницу, в амбары зерно перегружать. Гляжу... мать честная!.. На пашне шесть огрехов насчитал. Да огрехи-то какие — борзой кобель не перескочит. Разве ж это работа?

— И что тебе Семен? Больше других надо,—ворчливо вмешалась Калюкиха. — Чем чужие огрехи считать, ты бы лучше рассказал, как недавно два мешка овса своим керосинищем изгадил. Уж я и холодной водой мыла и теплой. Куда там. Свинья, и та морду воротит.

— Я за тот овес, Маша, и сам болею, — смутился Калюкин. — Я за это своих последних полтора мешка в амбар свез. А так, как Мишка Бессонов пашет, это тоже не пахота... Боо-льшие горницы, — продолжая прерванный разговор, начал Калюкин. — Сам-то Костюх на той половине жил. А здесь сын его Василий.

— Богатый был Костюх?

— Надо думать, богатый.

Конь-то, правда, у него один был, коровы две. Не любил он скотину, но торговал шибко. Хлебом торговал, кожи скупал. Он да еще тут один старик с ним в компании. Костюха-то выслали, а того старика оставили. У нас на Овражках живет, сапожничает.

На дворе сердито гавкнула собака и кто-то зашаркал в сенцах, старательно вытирая ноги. Вошел дед Пантелей.

Еще у порога он снял было шапку, но, вспомнив, что иконы в избе нет, он нахлобучил опять шапку и добродушно погрозил пальцем ухмыльнувшейся девке Любке.

— Луна, — сказал дед Пантелей, указывая палкой на окошко. — Иду это я... смотрю, стоит поперек проулка корова. Чья же это, думаю, корова? Подошел, гляжу, а это Николихина корова,—дед Пантелей опять снял шапку и неторопливо сел на лавку.

— Зачем, сынок, звал? Чай пить али по делу?

— Какой тут, дедушка, чай? — сердито перебила Калюкиха.— Уж я ему сколько раз говорю: отдай, Семен, самовар в кузницу, долго ли кран починить? А он: ладно да ладно!

— Ты оставь, Маша! — Сказал отдам, значит отдам. Человек по делу, а ты: самовар. Я тебе говорю, олова на ремонт нету, а ты: самовар... да самовар, — рассердился Калюкин, обувая сапог, докуривая цыгарку и доставая с гвоздя лохматую баранью шапчонку.— Вот что, дедушка! Возьми с утра лошадь да с'езди в Чарабаевскою рощу, лозы нарежь. У меня на складе 20 бутылей-двухведерок, а оплетки нету. Потом как-нибудь сядешь да сплетешь мне для бутылей оплетки.

— Ладно, коли так, — согласился старик. — Нарядил бы ты со мною какого-нибудь парнишку. Вдвоем-то ловчей управимся.

— Пускай мальчонка с тобой поедет, — кивнув на осоловевшего Кирюшку, предложил Калюкин.

— И то дело, — согласился Матвей. — Катай завтра, Кирюшка, с дедом за лозой. Нечего тебе зря без дела шататься.

Вскоре дед Пантелей ушел. Вслед за ним, накидывая на ходу поддевку, направился и Калюкин.

— А ты куда?—окликнула его Калюкиха.—Спать-то когда придешь? Опять к полуночи?

— В школу, Маша... в школу. Там нынче второй бригады собрание, надо думать, директора ругать будут.

— Да тебе-то что? — почти жалобно спросила Калюкиха. — Кабы тебя ругали, а то директора.

— Как можно, Маша?.. Что ты! Раз я сейчас вроде как бы завхоз, значит и мне тоже... значит, и я тоже, — уже захлопывая дверь, забормотал Калюкин. И слышно было, как он быстро протопал вниз по лесенке.

★

После того как уснул Кирюшка, лег и Матвей.

Но несмотря на то, что он встал до зари, ему не спалось и он долго ворочался, припоминая все то, что случилось за сегодняшний день.

Тракторная станция, обслуживавшая Малаховский колхоз, была небольшая, только с осени выделенная от другой, крупной Каштымовской МТС. И случилось так, что попали сюда тракторы потрепанные, разномастные, к тому же без запасных частей и почти без ремонтного инструмента.

Всю зиму просили, грозили, требовали. Но каштымовцы упирались. И только сегодня, как раз после того как проехал заезжавший по пути каштымовский директор, была из края получена телеграмма, в которой каштымовцам строго-настрого было приказано снабдить новую МТС запасными частями, материалами, инструментами.

И вот в догонку за каштымовским директором поскакал секретарь ячейки Бабурин, тот самый рыжий верховой, который встретился Кирюшке на дороге.

«Надо Сулину сказать, чтобы он круглого железа побольше выбрал, — вспомнил Матвей. — Борон целая груда, а все зубья повырваны. Камни ими что ли ворочали?.. Он достанет, — думал Матвей. — Мужик, видать, толковый».

И уже совсем засыпая, Матвей вспомнил, что за всеми сегодняшними хлопотами он позабыл расспросить у Калюкина, как и почему уехал Сулин совсем из деревни.

В избу потихоньку вошла Любка и, не зажигая огня, стала раздеваться.

— Ты откуда? — спросила с кровати Калюкиха.

— В клубе была. Там сегодня кино, — закидывая на печь валенки и задергивая занавеску, ответила Любка.

— Отца видела?

— В школе он. Ругаются. Ему, маманя, Мишка Бессонов чуть в рожу не плюнул.

— И поделом! — с досадой откликнулась Калюкиха. — И скажи только, что за человек! В свое, не в свое дело, — всюду ему сунуться нужно. Ты помяни мое слово, что когда-нибудь ему и вовсе шею наколотят.

— Так колотили уже, да что толку-то, — зевая на скрипучую кровать, ответила Любка. И вдруг огрызнулась: — А за что колотить? За Мишку Бессонова? Этого Мишку у нас на прошлом собрании поделом в комсомол не приняли. Попробуй, поколоти. Говорите вы, маманя, а что, сами не знаете!

Обиженная Калюкиха полежала, помолчала, но ей не лежалось и не молчалось. Она закряхтела, заворочалась и с хитростью спросила у притихшей Любки.

— А что, Любка, правда это бабы говорят, будто Мишка Бессонов собирается какую-то вашу комсомолку сватать?

— Спите, маманя, — уже грозно ответила Любка. — У вас бессоница, а у нас завтра на скотном ветеринарный осмотр будет. Инструктор, что ли, какой-то приехал.

(Продолжение следует)

НОВОСТИ ЛЕЧЕБНОЙ НАУКИ

Мы хорошо знаем, что делается на солнце, до которого надо добираться тысячи лет. Мы догадываемся, как построен невидимый даже в микроскоп атом. Для нас почти ничего не стоит рассчитать постройку двухэтажного дома или туннеля под морями.

Но вот что делается внутри нас, в нашем теле, часто является загадкой. До сих пор ученые не знают, отчего происходят такие страшные болезни, как рак и проказа. При плавке руды употребляют электрический термометр, а для того чтобы измерить температуру куда более сложного человеческого организма, употребляют грубый ртутный термометр.

Капиталисты мало помогают медицине и развитию науки о человеке, потому что они не дают никакой прибыли. И поэтому теперь, при кризисе, в первую очередь капиталисты закрывают больницы, медицинские институты, журналы, увольняют врачей.

Только в СССР армия ученых двинута на изучение человека, на борьбу с болезнями. У нас организован Всесоюзный институт экспериментальной (эксперимент — опыт) медицины.

Растут громадные здания, оборудуются такие лаборатории, которые вызывают зависть ученых капиталистических стран. Сотни больных изучаются в клиниках института. Над тысячами животных делаются опыты, которые должны раскрыть тайны болезни и спасти жизнь миллионам людей.

С помощью этих институтов все болезни будут побеждены, и мы будем знать свое тело гораздо лучше, чем солнце или процесс плавки руды.

ПЕРВАЯ В МИРЕ

В трехэтажное здание будут приходить только ребята. Это будет единственная на земном шаре специальная детская глазная больница. Везде глазные больницы общие, а в Москве на средства из фонда Ленина строится по последнему слову техники детская глазная поликлиника.

Для лечения каждого вида глазной болезни—свой кабинет и отделение. В некоторых из них электрические аппараты для операций. С помощью электрического тока делать операции проще, это и гарантирует от инфекции, то есть от внесения в рану вредных бактерий.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

Три года назад ночью в институт скорой помощи им. Склифасовского в Москве привезли истекающего кровью человека, бледного как смерть. В его теле почти не осталось крови. Человек уже агонизировал.

Раненого можно было спасти лишь переливанием крови. Но донера (т. е. человека, у которого берут кровь) под рукой не было.

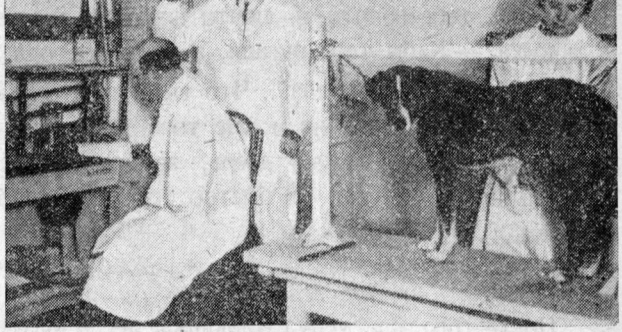
Профессор Юдин решается на последнее средство, о котором он долго думал и которое исследовал.

Он приказал принести в операционную труп недавно умершего человека, сравнил его кровь с кровью раненого (есть четыре группы людей, различных по крови: у первых трех групп кровь приживается только к людям своей крови, только у четвертой группы кровь подходит ко всем группам), потом быстро соединил 400 граммов крови с физиологическим раствором и влил ее в жилы умиравшего. Кровь прижилась, и умиравший выздоровел.

Сейчас способ профессора Юдина широко применяется. В институте стоят бутыли с кровью умерших и спасают жизнь десяткам людей. После смерти человека его кровь еще в течение месяца может быть использована для спасения жизни живого.

Хирурги умеют вырезать больные органы тела. Есть люди, которые живут почти без желудка, без части почек, без руки и ноги и т. п. Но, к сожалению, они еще не умеют заменять больные органы здоровыми.

Впервые в мире доктор Воронов в Харькове добился успеха в пересаживании органов тела. Недавно к нему привезли отравившуюся сулемой женщину. Сулема отравила почку, и больная жестоко мучилась. Тогда Воронов вырезал почку у недавно умершего человека и присоединил ее к отравленной почке. Почка быстро прижилась и почти двое суток работала нормально. Больная больше не страдала от рвоты и судорог. Но она при-



Врачи на собаках пробуют различные способы лечения

ПРОМЫВАНИЕ ОРГАНИЗМА

В Институт экспериментальной медицины в Ленинграде привезли тяжело угоревшего человека. Жить ему оставалось два—три часа. Спасти было уже невозможно.

Доктор Чепав велел перенести умиравшего в операционную. У больного была взята кровь. Вместо нее в артерии впустили особую питательную жидкость, которая поддерживала жизнь. Взятую кровь быстро промыли веществом, которое поглощает яд и краски. Очищенную от яда кровь быстро влили обратно в тело. Через полчаса взяли вторую порцию крови и, так же очистив, ее снова вернули больному. Человек был спасен. Его организм промыли так же, как промывают какую-либо загрязненную трубку.

Этот способ был открыт профессором Михайловским в Ташкенте. Лет десять назад он начал делать опыты над собаками. Он вводил в кровь собак смертельную дозу морфия. Те собаки, у которых брали кровь и очищали, выживали. Те же, у которых этого не делали, погибали. Такие собаки назывались контрольными. Собаки выживали, если даже промывание крови продолжалось 2—3 суток.

Потом такой же опыт проделали над обезьяной Яшкой. У нее взяли много крови. Около часу жизнь обезьяны поддерживалась искусственным дыханием. Когда же обезьяне вернули очищенную кровь, она снова начала дышать сама.

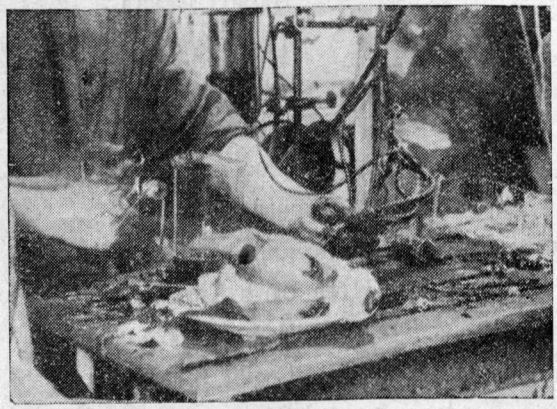
И обезьяна даже удивила ученых, так как очищенная кровь омолодила ее. Удачный опыт над обезьяной показал, что можно делать промывание организма и человеку.

няла слишком большое количество сулемы, его было достаточно, чтобы отравить 40 человек, почка не могла справиться с таким количеством яда и также была отравлена. Больная умерла.

После ее смерти почки были вскрыты, и оказалось, что ее почка уже начала освобождаться от яда. Если бы сулемы было меньше, почка от трупа помогла бы почке больной совсем освободиться от яда.

Одной собаке Воронов привил чужую почку на шее, и она два года жила с ней. Другой собаке он пересадил ногу.

Доктор Воронов доказал, что можно лечить некоторые болезни, временно заменяя больные органы здоровыми, взятыми от трупов. Сейчас Воронов делает опыты по постоянной замене больных органов тела другими.

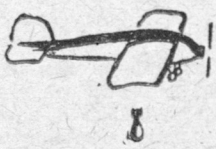


В отрезанной голове собаки производится искусственное кровообращение

ОНИ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ДИКАРЕЙ

С повязкой на глазах советского военного инженера Лебедева отправили в Швейцарию. Во время работы произошел несчастный случай: т. Лебедев потерял один глаз, и ему угрожала потеря другого.

Лучшие советские специалисты решили, что спасти глаз может лишь операция по способу знаменитого профессора Гонена. Лебедева повезли в Швейцарию, к самому Гонену.



Но ученый дикарь сообщил, что так как Лебедев — советский гражданин, то он отказывается помочь ему и операцию делать не будет.

Лебедева пришлось везти к другому врачу.

— Коммунистов я не лечу, — заявил один доктор в Париже, когда к нему обратились с просьбой придти к тяжело больному рабочему-коммунисту.

При всех капиталистических военных штабах устроены строго секретные лаборатории. В них десятки профессоров и докторов изучают бактерии всяких болезней и придумывают, как бы использовать их для войны. Немецкий доктор Люстиг рекомендует снаряды и аэропланные бомбы, начиненные бактериями различных болезней. Французский профессор Каннон советует употреблять бактерии для заражения урожая. Итальянский врач Феррети особенно подходящим считает бактерии холеры, тифа, чумы и описывает десяток средств для их распространения. Американский врач отстаивает самое действительное средство для войны—бациллу туларелина, водящуюся только в САСШ.

В 1930 г. в толстом немецком журнале «Клинише вохеншрифт» была напечатана большая статья доктора Роппе. Этот ученый дурак заявляет, что в экономическом кризисе виноваты... доктора. Так как медицина успешно борется с болезнями, изобрела много лекарств, охраняет материнство и здоровье детей и т. п., то она этим спасает сотни тысяч жизней людей. Кроме того успехи цивилизации, улучшение жизни, пищи и т. п. тоже помогают сохранять жизнь миллионам людей. Все это, заявляет ученый дикарь, ведет к перенаселению земли и к голоду.

Виноват не капитализм, а уменьшающаяся смертность, и Роппе так заканчивает свою статью: «Судьба не допустит торжества мировой революции и Интернационала. Выход из кризиса даст новая мировая война, перед жертвами которой ничтожной игрушкой надо считать 8 миллионов убитых в последней войне...»

На своем последнем с'езде немецкие врачи-фашисты приняли решение: не помогать рабочим, избитым и раненым штурмовиками и полицией.

— Леча коммунистов, которых наказала полиция,—заявил один из этих дикарей,—мы этим мешаем ее работе...

Два миллиона людей ежегодно умирают от малярии. Производители же хинина умышленно сокращают его производство, чтобы он дорого стоил. Мир нуждается в 1400 тоннах хинина в год, а получает всего около 600 тонн. Почти весь хинин привозится из Голландской Индии, где запрещено сажать новые хинные деревья.

Эта заметка напечатана в английской газете «Дейли геральд».

ЗАМЕТКИ РЕДАКТОРА

Я получил много писем в ответ на свои заметки. Эти письма меня обрадовали: они показали, что ребята всерьез относятся к литературной работе. Однако мне кажется, что некоторые ребята слишком рано пытаются сделать профессию из писания стихов.

Каждое новое хорошее стихотворение обогащает нашу мысль, показывает нам мир, природу, людей по-новому—ярче и выразительней.

Человеку, который пишет стихи, мало научиться рифмовать строки, ему надо научиться видеть, наблюдать окружающую жизнь.

Человек, который со школьного возраста делает писание стихов своей профессией или готовится только к писанию стихов в будущем, пожалуй, никогда и не станет настоящим поэтом. У нас так бывает: похвалят разок-другой в школе или на олимпиаде молодого стихотворца — он уже ни о чем кроме стихов и не думает, а такой стихослагатель для настоящей литературы пропадает, даже если у него есть способности.

Вот этого ребята не должны забывать. Быть поэтом—значит быть передовым бойцом, с острым глазом и умелой рукой.

Перейдем все-таки к стихам.

ОСАДА ГОРОДА

Это неплохие стихи. Деткор Лашков, конечно, никогда не видел того, о чем пишет, но у него хорошее воображение. Картина по его стихам получается яркая и убедительная, читать стихи интересно. Они музыкальны, их легко петь.

Однако осада это совсем не то, что думает Лашков. Осада это то, что описано в первых трех строках, когда войска окружили город, ОСАДИЛИ его. Ночью же они начинают не осаду, а НАСТУПЛЕНИЕ. Каждый бой, конечно, начинается по сигналу, но сигнал этот дается не громким звуком, не трубой, как думает Лашков, а передается по телефону. Непонятно: если красные победили, почему они идут обратно, тогда как дальше говорится: «тут победили—дальше иди». Вот это все очень несуразно.

Кроме того нельзя рифмовать тишине — везде, утра — волна. Если бы Лашков прибавил знаний к своему воображению, его стихотворение могло бы стать совсем хорошим.

ШОФЕР ВОСЬМИГРАННЫЙ

Мне понравились стихи Громова, хотя они еще очень неумело написаны. Случай с шофером рассказан очень кратко, без лишних слов. Слова взяты самые нужные. Короче эту историю в стихах рассказать было бы невозможно, и это хорошо. Отрывистые строчки передают и быстрое движение машины, и ухабы, и внезапную остановку.

Громова за живое трогает борьба за дорогу и за автомобиль в нашей стране. Он интересуется автомобилями и даже вставляет в стихи все марки машин: «ЗИС»,

Деткор Лашков, Москва

Вокруг большого города раскинулись полки.
Поблескивают сталью недлинные штыки.
Матросы и рабочие ночи ждут,
Ночью осаду города начнут.
Ночь наступила... темно кругом,
Двинулись на город со всех сторон.
Тихо, без шуму, идут они.
Видны лишь изредка тени одни.
Слышен сигнал в гробовой тишине.
Выстрелы громко раздались везде.
Длился кровавый бой до утра.
В речке багровая стала волна.
Взяли победы красные тут.
Четко и в ногу обратно идут.
Радость у всех видна на лице.
Песню поют о хорошем конце.
Много дела еще впереди.
Тут победили — дальше иди!

Деткор Громов, Москва

По дороге ночью
Автобус мчал,
Шофер Восьмигранный
Руль сжал.
Ухабы, рытвины,
Ямы, ложбины,
Дорога плохая идет,
Но шофер машину ведет.
И вдруг перед машиной
Стал бугор,
Шофер схватил рычаг,
Остановил мотор.
Тормоз нажал,
И автобус сразбегу стал.
И только мотор
Задел за бугор.
Шофер Восьмигранный
Премирован был
Костюмом, путевкой,
Путевкою в Крым.
Находчивых шоферов
Сотни есть у нас,
Они правят машиной
«ЗИС», «ЯГАЗ», «ГАЗ».

«ЯГАЗ», «ГАЗ». Это трудно выговорить подряд, зато подкупает искренностью, да кроме того это даже подходит к общему строю стихотворения, скупого на слова.

Шофер Восьмигранный со своей звучной фамилией и находчивостью нарисован настоящим героем советских дорог.

Что греха таить, немножко непонятно, как это вдруг пред машиной стал бугор. Вырос он, что ли? Громову надо было подумать о более реальном препятствии для автобуса. Он как и Лашков пока еще плохо знает то, о чем пишет. Шофер сначала пустит в ход тормоз, а потом уже включит мотор, у Громова наоборот. И еще. «Рытвины» — неверно. Нужно рытвины.

ЛЫЖНЫЕ НОРМЫ

Боксер неудачно сравнивает лыжника с оленем, который мчится от смерти. Боксер хотел показать этим быстроту своего бега, но в этом образе два понятия о быстроте и грозящей опасности, так же не отделимы, как у Лермонтова:

«Гарун бежал быстрее лани,
Быстрей, чем заяц от орла».

Лермонтов этим сравнением показывает труса. Трудно было бы себе представить, что Гарун бежит к месту боя. Быстрей, чем заяц от орла.

Это все же хорошее стихотворение, бодрое и напористое. Стремительный ветер, мороз, который колет иголками, остроносые лыжи, ленинцы, которых «не поворотишь назад», — все это неплохо.

Плохо: «снежная гуща аллей» (что это: «густая аллея или густой снег»?). Нельзя писать «во врéмя» — говорится вó-время. Лес не может раскинуться цепью, лес раскидывается площадью, цепью может раскинуться в лучшем случае опушка леса. «Назойливых туч великанша-стена» — надуманно и нескладно. Значок ГТО не «НАД ГРУДЬЮ», а НА ГРУДИ повиснет.

СТОРОЖ КОЛХОЗНОГО АМБАРА.

Никогда прежде не писали о деревенских сторожах так, как теперь, потому что нынешний деревенский колхозный сторож — это не мирный старик с колотушкой, это часовой на боевом посту, охраняющий социалистическую собственность. Колхозный сторож — высокая и почетная должность.

Об этом просто и хорошо рассказывает деткор Пастушенко из дальнего Семипалатинска. Стихи без трескучести говорят о большом и важном деле. Сторожевой видит, как мерцают звезды, как блестят зарницы, думает о семенах, знает, куда направить винтовку.

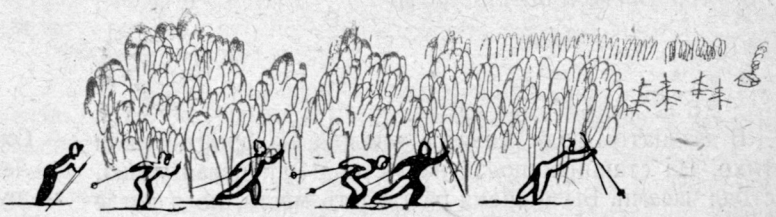
Недостатки, которые бросаются в глаза: можно сказать остерегаюсь (от слова остерегаться), или стерегу (стеречь); слова «остерегаю» нет в русском языке. Здесь нужно сказать стерегу. Четверостишие «Но если во тьме прячась...» и т. д. плохо. Когда вор сбивает замок, он уже не мечтает об этом, он раньше мечтал, теперь он действует.

Привет всем деткорам. Жду писем от ребят, чьи стихи здесь помещены, и от других читателей и деткоров.

Привет, ребята!

Б. ИВАНТЕР.

ЛЫЖНЫЕ НОРМЫ



Деткор Боксер, Иваново

Я мчусь, как от смерти таежный олень,
А финиш все ближе и ближе.
Врезаются в снежную гущу аллей
Мои остроносые лыжи.
За мною вдогонку несутся друзья, —
Нас взглядом не сразу окинешь.
Пред ними такая же цель, как моя —
Явиться во время на финиш.
Стремительный ветер нам режет глаза,
Мороз, как иголками колет.
Но ленинцев не поворотишь назад,
Не сломишь напористой воли.
Извилистой цепью раскинулся лес,
Закутанный наглухо в иней.
Там заяц-трусишка мелькнул и исчез,
Подобно стреле, зато
Крикливые птицы приветствуют нас
И в путь провожают оркестром.
Назойливых туч великанша-стена
Преследует с места на место.
Мелькает вдали очертанье села,
Кругом необычно красиво.
И с каждым километром наши тела
Растут, наливаются силой.
Добьемся — повиснет значок ГТО,
Сверкая над грудью как броня.
Должны мы и будем готовы на сто:
К ученью, труду, обороне.

Деткор Пастушенко, Семипалатинск

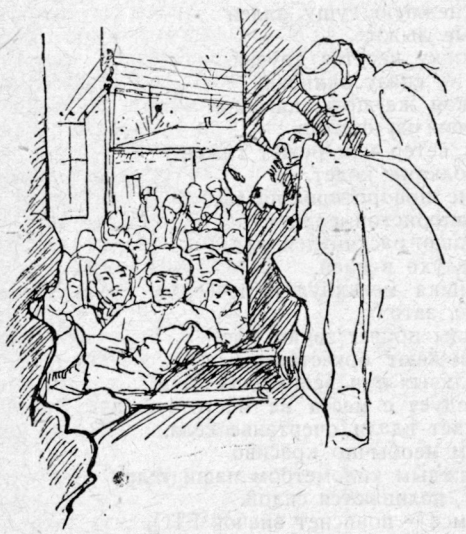
Ночь, как черная птица,
Хаты накрыла крылом,
На горизонте зарницы
Гаснут на небе ночном.
Звезды мерцают высоко,
Скрылась за тучи луна,
А я,
Колхозный,
С винтовкой
Остерегаю амбар.
В амбаре лежит пшеница,
В амбаре лежат семена,
И им наверно снится
Сеялка и весна.
Где-то собака залает.
Кончит. Опять тишина.
А из-за туч выплывает
Белым
шаром
луна.
Тихий шорох учуя
В воздухе влажном, ночном,
Зорко гляжу в темноту я:
Вроде нет ничего.
Но если, во тьме прячась,
К амбару подкрадется вор,
То зря он будет стараться,
Мечтая
сбить
замок.

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Рассказ Всеволода Лебедева *Рисунки П. Митурича*

1

В двадцатом году я ехал в эшелоне на фронт. Ехали тихо. На станциях поезд наш стоял как целая улица, стоял часами. Было время разглядеть места, но я нигде не выходил, потому что чувствовал себя плохо. Сижу с опущенной головой. По поезду ходила болезнь—тиф, и на каждой станции мы оставляли из нашего поезда людей в руках санитаров.



— Дай дорогу, не видите, несем человека!

Я вдруг слышу галдят в вагоне: «У Васьки Широкова тиф». — «Что вы!—говорю, то есть хочу сказать им: —Что вы, ребята! Со мной такую дальнюю дорогу сделали, теперь вздумали надо мной подшутить».

Сижу в вагоне, а вокруг меня говорят, а один подошел, Ваня Пленкин, потом был убит под Екатеринбургом,—тот меня по рукаву гладит, а ему кричат:

— Оставь, не подходи!

— А шинель, шинель где его?

— В его шинели Чумаков выскочил за кипятком.

— Нельзя же так-то! Надо обрядить его.

Я сижу и улыбаюсь. Чему улыбаюсь, сам не знаю. Но в голове моей все стало медленнее.

— Да вот кожанку, спасибо, человек дает!

А у меня руки как не свои, сую в кожанку, точно чужие руки завожу в рукава.

— Стой, разойдись, товарищи!

Приходят санитары. И тут уж народу столпилось:

— Где, где тифозный?

— Кто его знает?

— Да вот его на носилки кладут.

— Да из каких он?

— Говорят, Вятской губернии, из-под Глазова.

«Товарищи, — хочу сказать я, — да ведь это место знакомое, и я из этих мест».

Но уж нет у меня таких сил, чтобы сказать. И привалился я, под голову что-то дали, и половчее свернулся. А там кричат: «Дай дорогу, не видите, несем человека!».

А я вспоминаю, вспоминаю, чего-то надо вспомнить. И того вспомнить не могу. Ни друзей, ни родных не помню, ни тех, кто кругом меня сидел.

2

Ожил я в светлой комнате, но сперва не понял, где я. Лежу бревном, и никто не подходит ко мне, я никому не нужен. Стал вспоминать, но ни родины своей, ни товарищей вспомнить не могу.

И вдруг закричал, точно из воды, точно тону. Ко мне подбежали. Подали мне пить. Я лежу, отдыхаю. И вокруг меня точно все светлее и шире стало, но мне трудно это понять.

Будто плавать хочется, а рук нет. Так я, и так, и этак приспосабливаюсь что-то вспомнить, а на ум ничего не идет. Ум у меня стал безногий.

И уж на второй день, когда я поел (но много есть не давали), стал я будто посильнее: и силы прибавилось, и крови прибавилось, и ума.

Сумел я сесть на кровати. На столике лежало зеркальце. В зеркальце смотрю, но лицу моему не верю, точно с другого человека лицо. Стало лицо все серьезнее и строже, а глаза как два фонаря светят черных. Мне неудобно стало и глядеть.

И опять сон на меня нашел, мрак, точно лицом в воду сунуло,— и я не могу отвернуться, а захлебнулся как поросенок.

Просыпаюсь опять.

Смешно мне, вижу я, что я в лазарете. Значит я товарищей своих потерял, потерял весь свой поезд, который ушел драться с белыми. Ах ты, чорт! Мне досадно.

Ну лежу, думаю, хоть бы кто песню запел. Неужели нет в соседних палатах таких песельников? Потому что другие, как только выздоравливать начнут, первым делом просят не белого хлеба, ничего, а только гармонь. И руки у него еще от болезни слабые, а он уж приспосабливает их к гармони и пробует клапана.

Наверно, думаю, среди товарищей найдется такой говорун и гуляка, и с его песнями будет выздоравливать легче.

И только подумал, как отворяются двери и входит в палату офицер.

В эполетах, и галифе синее, и офицерские усы. И грустно мне стало, что я так ослабел, что во мне и мысль не держится, а опять началось воображение.

«Ослабел ты совсем, Вася Широков, что снится тебе белая сволочь».

Я их бить ехал, а они ко мне приходят, к больному, сапожищами прямо на меня стучат. От них как от комаров надо отмахиваться, а у меня рука не поднимается с тела. Я глаза закрыл и старался что-нибудь из детства припомнить, но ничего не припомнил, и только припомнилось одно: привязанный телок сидит на лужке и орет. А лужок яркий, зеленый.

3

Но я все вытерпел и опять очнулся и решил сам с собой больше уже сознания не терять. Мне подают хорошую еду, а сосед с другой койки на меня смеется, что я очень бросаюсь на еду. И тут уже я слышу и понимаю все его слова, каждое отдельно.

— Ничего! Теперь от'едитесь! Теперь вас откормим. Раньше вас советы сухой воблой кормили, а теперь будут не советы кормить, а будем мы.

Вот так штука! Уснул я красным, а теперь все обернулось вокруг меня белым. Вот, думаю, нашел себе товарища, вот с кем я буду выздоравливать. С ним выздоровеешь, а потом он же тебя и хлопнет.

А сосед, ну я вижу: он из офицеров, морда толстая, и усы седеют на этой морде как у моржа, а взгляд пристальный и веки большие, толстые.

Пристально глядит на меня и говорит:

— А ведь я вас очень любил смотреть. Я в двенадцатом году жил в Казани и, когда вы приезжали, ходил смотреть каждый вечер, и больше всего вы мне нравились царем, в царской одежде и с осанкой Ивана Грозного. А вот теперь судьба: лежим рядом на койках и в больничной одежде.

Я уж тут все понял и лежу, стараюсь не двигаться. Стараюсь не выдать себя. А тот, белый, все разговаривает.

— Вот штука! Вот судьба!

Не пришлось мне доехать драться с белыми, а попал я к белым на койку. И пока я на койке и лицо белое после тифа, будут меня считать по чужому документу. А ведь я по речи и по походке не могу быть похож на барина, за кого меня принимают. За артиста какого-то. А ведь надо жить. После тифа жить хочется.

Тут я не утерпел, вижу газету. Прошу дать мне газету, но санитар говорит: «Ваши глаза еще для газеты слабы, и вам нужно еще до этой газеты много есть и спать».

Я на газету смотрю как голодный на сало, где сейчас наш фронт. И сосед берет листок и начинает читать мне. И не наша газета, не «Красная звезда», а какие-то «Новости». И «Новости»-то не про нас и не про фронт, а про город Париж. Читает, как в Париже живут русские белые, и обещает, что мы вместе с ним будем в этом городе.

И тут газету отставил и говорит:

— А ведь вы и в Париже были! Как вам понравился Париж?

А я опять устал, мне в голову точно горячим углем сунуло, и повалился на подошку, но думаю одно: только бы ни слова не сказать, а как начну бредить своей деревней да буду вспоминать дедушку Егора, тут мне будет конец. А дедушка Егор как раз вспоминается, и лезет на меня его борода.

И уж как вытерпел я, не знаю. Но не говорил никаких слов—очнулся. И сказал про Париж: «В Париже я был, и город хороший, только одно мне в нем не нравится, больно много ходит народу».

Я старался сдерживать свою речь и говорил покороче... Барскую речь я немного знал, потому что до войны служил в лесной конторе у Савельевых. И под эту речь я подделался. И белый командир мне:

— До чего свободно я себя чувствую, что говорю с образованным человеком. Представьте, вокруг какие тупые люди! Они начинают выздоравливать и тогда только помнят карты: винт да преферанс, и коньяк, и коньяк им санитары потихоньку носят. А вы вот о Париже сказали! Вы наверное бывали и в Лондоне!

А с другой стороны командира лежал человек, нас было трое в палате, я после узнал, что он был военный фельдшер, и этот фельдшер стеснялся меня и моего соседа, но после болезни разговаривать ему хотелось, и он слушал меня как из книги.

— Нет, в Лондоне я мало был, всего два дня, и то сидел в гостинице, в номере, потому что я был нездоров, так что не мог разглядеть Лондона, только видно, что большой город.

И тут фельдшер не вытерпел и меня спросил:

— Я слыхал, что в Лондоне более блондинов, и русый человек, как например я, там совсем в редкость.

Я поглядел на фельдшера, а он, между прочим, совсем седой. Болезнь забелила его, он поседел на койке, но зеркала ему не давали, и он воображал себя русым и красивым человеком, а сам был лицом серый как пепел.

Но что я ему могу сказать о Лондоне? Меня выручил сосед.

— Что ты, — сказал он, — можешь понимать о Лондоне. Тебе можно сказать, что в Лондоне слоны гуляют по улицам, что английский король выезжает гулять на обезьянах. И ты все равно поверишь. Для тебя все равно: что Лондон, что Тюмень. Тюмени ты будешь рад еще больше, потому что там нажрешься вина в первом трактире, а в Лондоне городовые не пустят тебя пить.

И мне стало жаль фельдшера, но он уже совсем от Лондона обратился в свои подушки и притворился, что читает письмо, а у самого лицо от обиды дергается.

Что за сволочь этот офицер!

И когда сосед мой уснул (а он уж приспособился жить в мою сторону: столик свой к моей кровати переставил и лежал лицом ко мне), начал я рассказывать фельдшеру про чужие страны.

На сердце у меня нелегко; и за город этот, что оказался он у белых, и за товарищей, что без меня уехали, сдавило у меня сердце, и я тогда фельдшеру очень широко рассказал о разных городах, и вижу: ему от рассказов стало легче.

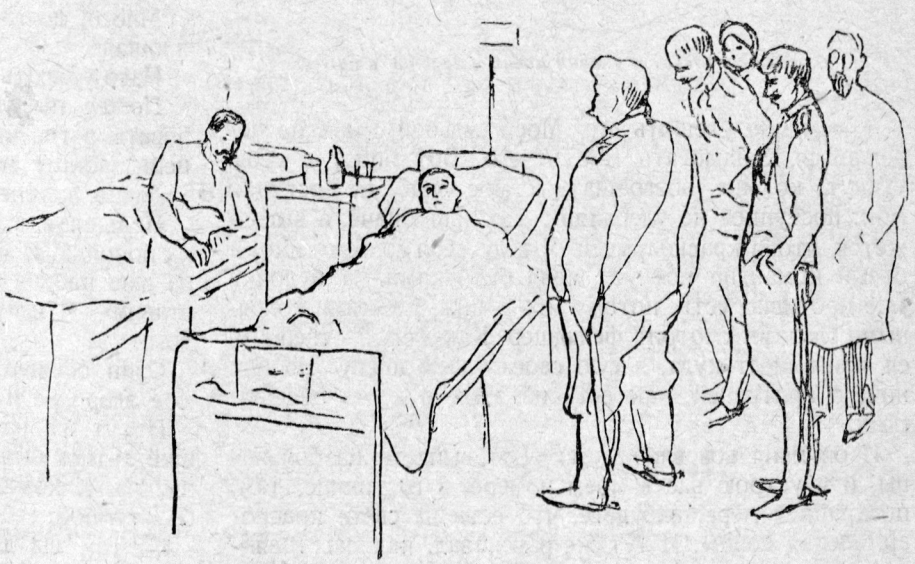
Он только подбавляет:

— А скажите, как в Вене живут, вы, конечно, бывали и в Вене.

А я прежде и не слыхал, что Вена есть на свете, однако про Вену рассказываю, точно перед собой ее вижу.

Говорю: «В Вене очень много садов, вся Вена заросла в садах до того, что венский король велел своей армии сады вырубить, а армия ничего не могла сделать с садами, так и оставила их».

— Здорово!—говорит фельдшер и рассказывает, что у него в селе столько вишен, что весной, когда вишня



Батюшки! Идет в палату генерал, и прямо ко мне,.

зацветет, из Москвы приезжают смотреть на их село

— Да, весело, верно, в вашем селе жить, — говорю я, — а вот в моем селе и было весело, если бы не построил рядом барин Мергасов своих кожевенных заводов.

А фельдшер:

— Какое ваше село?

Ах, попался я. Не знаю что ответить.

— Как вы, — говорю, — не понимаете...

И вот в то время белый командир просыпается и говорит:

— Да что вы с ним разговариваете! А ты, — обращается к фельдшеру,— чудак: ты видишь, какой человек лежит рядом. Ты должен гордиться, что лежал в одной комнате с актером Лавровым, а не утомлять его рассказами про деревни, которых он, может быть, больше твоего видал.

И повернувшись ко мне, начинает рассказывать, как он брал вместе со всей белой бандой город Тюмень.

«Эх,—думаю,—вот ты лежишь теперь рядом со мной. Размахнуться и дать тебе в морду за эту Тюмень, тогда узнаешь, кто с тобой лежит».

4

Так мы и лежали. Фельдшер при офицере боялся говорить, а когда тот заснет, все вспоминал вслух, рассказывал про свое село и говорил еще, что ему из больницы не выбраться, и проклинал всех белых.

Открываю глаза, а у меня плечи в золоте в парче.

А чем мне утешить его! Моей судьбой с ним не поделишься. Завидовать мне нечего. Вот приду в себя, станут ко мне возвращаться мое лицо и поступки мои: поступков не удержишь. Так или иначе, а выскажется, что я красноармеец. Я веду себя совсем тихо, а белый командир потчует меня булочками. И булочки мне противно есть, потому что я вижу, какими голодными глазами смотрит фельдшер. Как белый отвернется или выйдет куда, я сую своему фельдшеру. Но нет ничего противней, как есть из этих рук, из офицерских.

И он меня возвеличивает: «Вот выйдете из больницы, и я устрою вас в моем номере, в гостинице, там, по крайней мере, забудете, что есть на свете красноармейская вошь». И тут же рассказал, как расстреливал он красных.

Раз утром забегали санитары, поправляют мне подушки как царю, а фельдшера с его койкой куда-то задвинули.

Батюшки! Идет в палату генерал, и прямо ко мне, хлопает меня по плечу и начинает что-то говорить по-французски. Я ему головой киваю и за сердце держусь: нельзя долго говорить—болен.

А генерал лицом сухой, бритый. Глаза такие мертвые. Живот у него большой, но держится прямо, с большой выправкой.

Постоял надо мной.

— Вам, наверное, приятно узнать, что наши заняли Зареченск и восьмой красный полк разбит.

Нет, врешь, думаю, что ты мог разбить восьмой полк. В восьмом полку как раз я и был, и вот генерал рассказывает, как побил наших ребят: «скоро вам широко будет жить на свете, куда захотите, туда поедете. Вам открыты сейчас и Россия и Европа, но голько Москва не открыта еще вашему таланту, потому что в Москве еще сидит Ленин».

И тут повернулся и уходит, и за ним вываливается вся его толпа, а мне стало дурно. Ведь я шел с этим полком. Может быть, врет он, а может быть, и правда, что мои товарищи лежат в земле.

5

А я уж чувствую себя сильным человеком. Уж мне на койке лежать неудобно, уж вернулась ко мне вся повадка, и дальше оставаться здесь нельзя.

Белый командир вышел из больницы до меня и оставил адрес своей гостиницы, а фельдшер умер.

Разбудил меня его голос. Он бормочет, весь раскинулся, и одеяло свалилось на пол. И я хотел укрыть его, но он уже не чувствовал меня. И последнее, что он сказал: «Лошадей, лошадей выведите. Застоялись уж лошади в конюшнях, а смотрите, луга какие большие у нас стали!».

И с этими словами он умер.

Эх,—думаю,—бедняга, не увидишь ты своих лугов, и родни, и всей воли, о которой мечтал, да увижу ли и я?»

Решил бежать из города.

В больнице меня выписали и выдали мне белье, штаны и кожанный пиджак. И я вынул из пиджака удостоверение, выданное каким-то советом, что артист Лавров командируется туда-то и туда-то. Так вот кто я!

Посмотрел я на это советское удостоверение. Все, что от советской власти осталось в этом городе. Посмотрел на площадь: на широкой площади казаки едут и поют свою песню.

Много, должно быть, крови пролито было на этой площади.

Надо удирать!

Пошел по улице, догоняет вестовой, просит пожаловать в гостиницу, к генералу. Вестового не отпихнешь, вокруг места мне неизвестные, куда побежишь?

Ладно, к генералу, так к генералу!

Пришел я в гостиницу, в номер, и попал в самую их попойку. И меня затащили, посадили, усмехаясь, что на мне плохая одежда осталась: «Мы вам тройку доставим». Я испугался. Думаю, принесут с какого убитого.

Один офицер подходит, пьяный, качается. Пьет за мое здоровье и за гибель советской власти.

И тут же начинают кругом говорить, что я хороший артист был, и просят меня: «Сегодня именины хозяйки». К хозяйке подвели, сидит нарядная баба, тумба—тумбой:

— Так вы для хозяйки немного прочтите или вы думаете... что? Мы вас ценим.

Была бы у меня бомба, я положил бы бомбу к ним как конфетку на стол: пусть и меня разнесет и их, пусть потом разбираются, кто здесь пировал. Самому мне и жизнь стала не сладка. Злюсь я.

— Не могу сейчас играть. Я привык играть в подходящей одежде, царей играл больше. Но одежды такой нет, нет такого настроения играть.

Шумят:

— Что одежду! В одеждах даже интереснее. Одежду мы сейчас вам достанем!

Расчищают комнату: столы, вино убрали.

— Вам места будет достаточно?

В городской театр солдат послали. Там как раз был спектакль. Велели принести одежду на Ивана Грозного, и парикмахер пусть прибежит. А сами в кресла садятся.

Генерал и его офицеры обступили меня:

— Давно мы не видали хорошего артиста.

— В красных газетах писали, что артист Лавров предался коммунистам и служит им, но вот мы видим Лаврова в своей среде.

Мне жарко в этой толпе. Меня сдавили, подходят с вином, поздравляют и тут же передают друг другу известие, что пропал карательный отряд полковника Замчалова, посланный усмирять восставшую деревню.

А генерал говорит:

— Я Замчалова знаю. И отвечаю, что он вернется. Но я знаю его привычки. Он деревню взял и пьянствует в ней. Не беспокойтесь о Замчалове. Это его привычка: где победил, тут и пьянствует.

Тут приносят одежду и прибегает парикмахер. Этот прибежал совсем напуганный.

У парикмахера дрожат руки, он мажет мне лицо, приделывает бороду, а удрать мне опять некуда, да и устал, ослабел я. Ведь после больницы нелегко.

Закрыл глаза—и представился мне конец. Пусть уж какой угодно конец: у забора, куда водят расстреливать. И яму уж вижу, какую вырыли для меня.

Открываю глаза, а у меня плечи в золоте. В парче.

— Пожалуйста, зеркало вот. Вы меня простите. Я ведь неопытный. Я раньше больших артистов не гримировал, я, собственно, инвалид. Я и этого искусства не знаю—гримировать. Здешних артистов мажешь как попало. Меня сюда насильно поставили.

Я ему с досадой:

— Эх, братец, ведь не расстреляют тебя за это.

И сам смотрю в зеркало: какой тут Васька Широков. Вот бы моей дивизии показать. И весь русский царь: на плечах золото, на голове целая башня золотая, и пуговки везде светят. Борода добрая, распущена по всему брюху.

Что борода, мне бы в руку что дали. У меня рука просит оружия.

Пусть будут убивать, вот и в саван золотой одели, но так легко не убьют, а смертный час свой у них куплю дорогой ценой. Тут не пуговками расплатятся, а подороже.

Парикмахер весь скорчился, его трясет, он мне в лицо смотрит, думает, что я им недоволен.

6

Вздохнул я в последний раз. Ну, теперь все шутки кончились! Безмен лежал на столе, меня одевали в отдельной комнатке, сгреб безмен. Парикмахер этот на меня глаза вылупил.

А в той комнате гремят в ладоши. Вот выйдет сейчас артист.

Со всего бегу я на лошадь навалился и попалась такая, что пошла подо мной как под хозяином. Казак очумел, но стрелять боится.

Ну пусть, буду я царь.

Выхожу. Только вышел, знакомый мне офицер, с которым в больнице лежал я, подносит ко мне вино, пьяный—пьяный.

— Вот,—говорит,—только на картинке да в театре увидеть теперь русского царя. На колени перед ним!

Его сзади хватают за руки, а он лезет ко мне, усы мокрые от вина.

И я тут не устоял.

Размахнулся я и припомнил ему этой штукой и фельдшера и то, что он Тюмень брал.

И навсегда сел офицер на пол и только руку поспел поднять к лицу, уж вокруг него люди стоят как вокруг мертвого. Уже расступаются вокруг него.

И через секунду уже люди бросаются меня ловить, но еще не сумели подойти ко мне, добыл я себе наган. С того же офицера сумел снять.

«Вот,—подумалось мне,—перед смертью какая храбрость пришла».

Конечно выстрелил в эту толпу. Сослепу, наугад. И когда они раздвинулись, они ведь опешили, сгрудились, еще и не сразу за оружие схватятся... Что такое, какой артист! Этот артист уже на площади—со второго этажа... Сейчас будут бить, стрелять, сделают из меня мясо. Все равно!

Я перебежал площадь.

Из гостиницы шум идет, там сейчас уже по-настоящему поняли.

Но я пробежал полгорода. В такой одежде никуда не денешься, она всем светит. Сбросить некогда, куда там!

А вот лошадь стоит кавалерийская, свободная, и казак торгует у бабы платок. А я коней знаю и умею с ними и уйду на коне от казака не хуже всякого казака. Со всего бегу я на лошадь навалился, и попалась такая, что пошла подо мной как под хозяином.

Казак очумел, но стрелять боится, прикрыл лицо от солнца рукой и смотрит, куда я поеду. А мне все равно. Пусть убивают с коня, с коня убьют лучше.

Только одно думаю: успеть бы больше проскакать, конь хорошо идет, пусть пуля догонит, но догонит на широком месте. Я уже сижу как волк, приготовился к смерти.

И вдруг: «Стой!». Как из-под земли навстречу выросла погоня. Мне досадно, но что с одним наганом! Коня подо мной убивают.

7

Тут сознание от меня отбежало на полминуты. Я крепко ударился о землю. А очнулся, держат меня два парня.

Ну, держите меня. Все равно из меня сила вышла. Больше не побегу.

Подходит человек: красный, с красноармейской звездой, на бороду мою смотрит:

— Прямо,—говорит,—ловили генерала, а поймали даже и не генерала, а уж не знаю кого, точно сам Иван Грозный.

А ребята говорят: «Это архиерей».

А я говорю:

— Я не архиерей, а борода поддельная.

И одному стало досадно на мои слова, он взял за бороду, а другие стоят, смотрят, весь красный отряд, они уж на то пошли бить белых, и им хочется меня на тот свет отправить. Но когда бороду сняли, оказался у меня в отряде земляк—Федор Попов, из соседней деревни.

Удивился:

— Да это Васька Широков!

А тот, что меня сбил, ему не хотелось отпускать меня. Он не верит, все держит меня за эту одежду. Эх! Уж ребята посмеялись над ним, тогда он отпустил с досадой:

— Ну, раз это Васька, поедем с нами.

—Я не архиерей, а борода поддельная.

Я еду с ребятами, и ребята удивляются, но не спрашивают ничего—некогда.

Перед боем разговаривать не приходится.

Что это такое?

В следующем номере читай „Биоскоп“ или сообщение инженера Гидролюбова о вещах, видимых и невидимых, мелких и крупных, отдаленных и близких, известных и неизвестных.

НЕВИДИМЫЕ ЛУЧИ

Очерк доцента-ассистента Медико-биологического института
В. Н. Замараева

Отчего происходит загар? Нельзя ли загореть сейчас, зимой, не выходя из дому? Оказывается можно! На фотографии, которую вы видите здесь, изображена как раз такая комната одного из московских институтов. В ней много приборов, особого устройства ламп; стоит их зажечь, и в любое время года, в любой час дня и ночи можно загорать. Конечно эти лампы сделаны не только для загара. Освещая ими человека, можно вылечить целый ряд разных болезней. Но об этом дальше.

Лет пятьдесят назад на заводе Струве в Коломне производилась сварка металлов. Для этой работы пользовались вольтовой дугой, которая давала такой яркий свет, какой получился бы, если бы зажгли в маленькой комнатке сразу 200 электрических лампочек по 50 свечей. От такого света болели глаза и кожа. Рабочие упорно отказывались работать на сварке, предпочитая даже более тяжелую и хуже оплачиваемую работу. Так же болела кожа у путешественников полярных стран и высоких гор, где очень холодно и потому постоянно лежит снег. Они рассказывали, что после дня, проведенного на солнце, у них получался ожог кожи на тех местах, которые были открыты для солнца. Солнце жгло, краснела кожа. Через несколько дней она начинала шелушиться и сдиралась маленькими лоскутками; под ними показывалась молодая кожа, покрытая коричневым загаром.

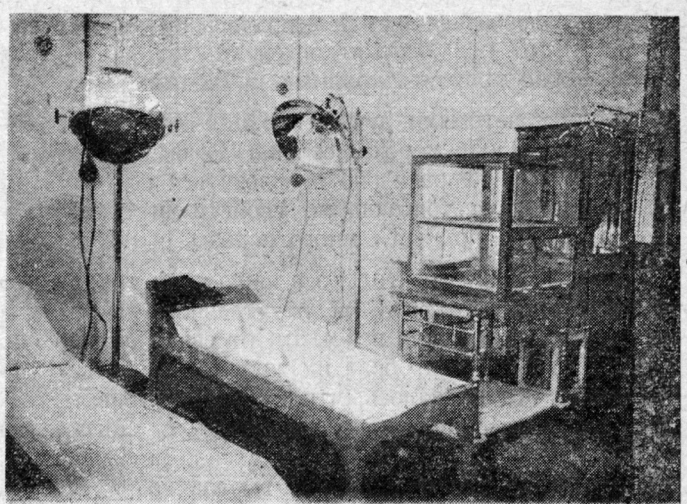
Молодой датский ученый Нильс Финзен решил разобраться в этом вопросе. Он рассуждал так: «Если я проведу на коже руки черту черной тушью, то солнечный свет не будет проникать через тушь, зато тепло будет в одинаковой мере достигать и чистой и замазанной тушью кожи. Значит если при освещении действует тепло, то у меня рука покраснеет и будет болеть». Однако, когда проделал этот опыт, оказалось что кожа, покрытая тушью, не была обожжена. Тогда он поставил еще один опыт: он прикрепил к другой руке три стекла — белое, синее и красное — и кроме того пластинку из горного хрусталя.

После освещения под стеклянными пластинками кожа осталась невредимой, а под пластинкой горного хрусталя покраснела и болела так же, как и на открытых местах.

«Вот оно что, — сказал Финзен, — тепло тут не при чем. Солнечный ожог происходит от лучей, которые проходят через горный хрусталь, но не проходят через стекло. Что же это за лучи?».

Вырежьте из картона круг и раскрасьте его всеми цветами радуги по порядку: красным, оранжевым, желтым, зеленым, голубым, синим и фиолетовым. Еще лучше не красить, а наклеить кусочки цветной бумаги. Затем середину круга проткните спичкой и быстро начните вертеть его так, как вертят волчок. Когда круг будет быстро вертеться, вам покажется, что он окрашен не в разные цвета, а в однородный белый цвет.

Вот видите, вы составили белый цвет из цветных лучей. Значит можно и разложить его на те же цветные лучи.



Горное солнце во врачебном кабинете

Для этого солнечный свет надо направить через щель, вырезанную хотя бы в кусочке картона, на призму, сделанную из горного хрусталя. Тогда на листке белой бумаги, помещенном за призмой, вы увидите маленькую разноцветную радугу; ее называют спектром. Внимательно рассматривая спектр, можно различить семь основных цветов радуги: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый.

Солнечные лучи не только освещают, но и нагревают то место, на которое они падают. Цветные лучи тоже нагревают освещенное ими место. Поместим термометр рядом с красным краем спектра, где ничего не видно, — мы и там обнаружим нагревание. За красным цветом спектр не кончается, за ним идут уже невидимые для наших глаз лучи. Они называются инфракрасными лучами. За фиолетовым краем спектра тоже есть невидимые лучи. Эти лучи получили название ультрафиолетовых. Они не могут нагревать, зато сильно действуют химически.

Теперь попробуем взять призму не из горного хрусталя, а из простого стекла. Опять точно так же образуется маленькая радуга — спектр, так же можно найти инфракрасные лучи, но зато ультрафиолетовых уже нельзя будет обнаружить. Стекло их не пропускает. Точно так же, если бы мы не захотели иметь инфракрасных лучей, можно было бы преградить им путь сосудом с водой, потому что вода не пропускает их.

Вот теперь рассуждения Нильса Финзена будут понятны нам. У него ожог получался от лучей, прохо-

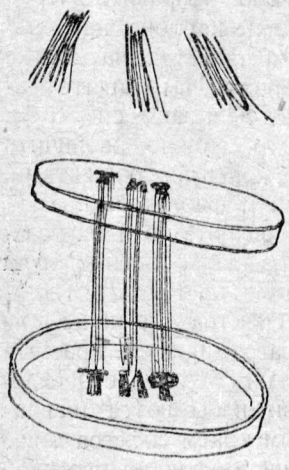
дящих черз горный хрусталь, но не проходящих через стекло, иначе говоря, под влиянием ультрафиолетовых лучей.

Если пользоваться светом неправильно, может получиться целый ряд неприятностей. Может получиться ожог, можно получить крапивницу (болезнь).

Ультрафиолетовыми лучами можно даже убить такое животное, как морская свинка. Но ведь все это получается, если неправильно пользоваться светом; если же пользоваться убивающими свойствами света правильно, можно принести много пользы.

Бактерии живут не только в нашем теле, их можно искусственно вырастить на питательном веществе в стеклянной чашечке, в закрытом от света помещении. Когда стали изучать образ их жизни и способы борьбы с ними, то оказалось, что их можно убивать светом. Ученый Бухнер проделал опыт с бактериями брюшного тифа. Он засеял их в стеклянную чашечку. На крышку чашки он приклеил вырезанное из черной бумаги слово «тиф».

«Если свет может убить бактерии, — думал Бухнер, сидя у себя в кабинете, — то, когда я выставлю чашечку на солнце, они смогут жить и расти только там, где падает тень от наклеенных букв». Он встал и отнес чашечку на подоконник, залитый солнечным светом. Через полтора часа чашечка опять была водворена в шкаф, в темноту. С волнением подошел Бухнер к этому шкафу на другой день. Но он оказался прав! Бактерии выросли в виде слова «тиф» там, где падала тень, в других же местах они были убиты солнечными лучами.



Одни ультрафиолетовые лучи действуют гораздо сильнее, чем весь солнечный свет. Ими можно убить бактерии не через несколько часов, а через несколько минут.

В Италии есть пословица: «Куда доходит солнце, туда не приходит врач». Ученые для опыта часть животных держали на свету, а часть в темноте. Остальные условия их жизни: температура, пища и т. д.— были одинаковы. И вот обнаружилось, что головастики гораздо быстрее развиваются и превращаются в лягушек на свету чем в темноте. Щенки и крольчата в темноте растут медленнее чем их братья на свету. То же самое обнаружилось со многими другими животными.

У маленьких детей иногда появляется болезнь—рахит; от нее обычно бывают кривые ноги. Доктор Бернгард говорит, что это болезнь бедных. Живя в маленькой горной деревушке на севере, он заметил, что дети, рождавшиеся осенью и всю долгую зиму проводившие в темных, тесных домах, почти всегда заболевали рахитом. Те же дети, которые рождались весной и уезжали с родителями на полевые работы, целые дни находились на солнце, не заболевали рахитом. Оказалось, что рахит можно вылечить светом и свежим воздухом. Теперь врачи узнали, что главное лечебное средство против рахита—это ультрафиолетовые лучи. Рахит стали лечить в больницах специальными лампами, свет которых дает очень много этих лучей. Такие лампы вы уже видели на фотографии, помещенной в начале этого рассказа.

Свет убивает бактерии. Нильс Финзен, который изучал причины загара, стал искать способов для лучшего лечения светом. Солнце часто, как раз тогда, когда нужно, бывает закрыто облаками. Кроме того оно дает слишком рассеянный и потому слабо действующий свет. Что, если попробовать заменить его электрической лампой? Свет можно усилить, собрав его лупой, увеличительным стеклом.

Только лупу придется сделать из горного хрусталя, так как ультрафиолетовые лучи через стекло не проходят, а ведь они-то и действуют сильнее всего... Финзен так и сделал. Даже больше. Чтобы отсеять тепловые лучи света, он перед лупой поставил сосуд с водой.

В маленьком строении, скорей сарайчике чем доме, принял он своего первого пациента Моргенсона. Врачи уже восемь лет лечили его и признали неизлечимым. Моргенсон был болен волчанкой. Это такая болезнь, при которой на лице, руках и ногах образуются бугры и язвы, очень трудно заживающие. Происходит она от маленькой бактерии, напоминающей по виду палочку. Финзен зажег свою лампу и направил целебные лучи на больной участок кожи. Моргенсон ничего не чувствовал. Финзен продолжал лечение, пока больное место не покраснело. Казалось, свет только ухудшил болезнь: образовался пузырь, который вскоре стал подсыхать. Когда же корочка отвалилась, то кожа под нею оказалась совсем здоровой. Моргенсон был излечен от неизлечимой болезни! Тысячи людей теперь излечиваются таким образом от безобразных язв, уродующих тело и оставляющих ужасные рубцы.

Ртутно-кварцевая лампа Института для опытных работ, лечебных целей и стерилизации препаратов

ДНЕВНИК ГЕРМАНСКОГО ПИОНЕРА

Рис. М. Горшмана

ПОНЕДЕЛЬНИК

«Брр, как холодно! Зима совсем уже наступила... А здорово я стукнул этого фашистишку сегодня!»

Курт и я возвращались домой из школы.

Солнце ярко светило над нашими головами, оно блестело как... ну как те полированные стальные диски, которые делает отец Курта на заводе.

Мы шли быстро, потому что холодный ветер здорово подгонял нас в спину. «Ганс длинный и Курт короткий» зовут нас в отряде, так что Курту приходилось почти бежать, чтобы поспеть за мной. Мы свернули за угол и вышли на Гохштрассе.

— Ой, — вырвалось вдруг у меня, — смотри!

Штурмовики в коричневых рубашках, образовав цепочку, двигались по кругу как на тюремной прогулке. В центре этого круга ходил молодой парень без шапки, с растрепанными волосами. Один рукав его поношенной куртки был разорван до половины и свисал с плеча, на щеке был большой кровоподтек, губа рассечена. Это был молодой рабочий, может быть, комсомолец, которого поймали за распространением антифашистских листовок.

— Ну, — сказал я, — здорово они его отделали. Вот сраженьице было, небось!

Курт проворчал:

— Восемь против одного. Ничего себе сраженьице. У-у, поганые коричневые крысы!

Вдруг что-то обрушилось на Курта сзади. Он не удержался на ногах и шлепнулся на землю. Какой-то мальчишка на роликах прямо наехал на него и растянулся рядом.

Я помог Курту встать. Встал и мальчишка на роликах. Он был такого же роста, как и я, только толстый и розовощекий... И я думаю, ветер не очень беспокоил его. Он был одет в теплую шапку, куртку и гетры. На отвороте куртки у него был фашистский значок.

Курт посмотрел на его толстые красные щеки, потом на значок, и это окончательно вывело его из себя.

— Почему ты не смотришь, куда идешь?—зло крикнул он.

Толстый мальчишка осмотрел его с ног до головы и важно задрал нос, когда увидел наши поношенные куртки.

— Слушайте, вы, — сказал он торжественно, — я всегда вижу, куда я иду, а вам не мешает быть немножко повежливее. Берите пример с нас.—Он важно задрал нос, искоса глядя на мой заплатанный рукав, и ткнул пальцем в свой фашистский значок.

— Ты жирный розовый поросенок. С кого еще брать пример, подумаешь! Да ты кто такой, а?..

— Мой отец полицейпрезидент этого района,— ответил мальчишка кратко. — А вы!.. — Тут он завизжал так, как будто его режут.— Наверное дети коммунистов или грязных жидов.

Я взглянул на него, потом поднял руку и влепил ему здоровенную оплеуху.

Сын полицейпрезидента полетел прямо носом на мостовую. Я поступил не очень-то хорошо. У Курта уже давно чесались руки, но я тоже не мог больше выдержать этой наглости. Я здорово разозлился, вот и все.

Теперь, когда он с разбитым носом валялся на мостовой, я успокоился.

— Мой отец, — сказал я ему, когда он кряхтя стал подниматься, — мой отец действительно коммунист, он, правда, не еврей, а вот отец моего друга — еврей. Оба они честные пролетарии, которые сделают все для того, чтобы отправить твоего папашу и всех фашистов туда, куда Макар телят не гонял.

Краснорожий фашистишка вдруг закричал диким голосом:

— Помогите, помогите, полиция! — и стал реветь.

— Бежим, Курт! — крикнул я. И мы бросились наутек.—Он все-таки запомнит нас, этот розовый фашистский поросенок.

Рот фронт!

СРЕДА

Сегодня во время ужина во дворе заиграла музыка. Уличные музыканты играли какой-то шумный вальс. Вальс кончился, и музыканты заиграли другую вещь. Я не верил своим ушам: это был «Интернационал» — боевая песнь рабочего класса.

„Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов".

За пение «Интернационала» в Германии сажают в тюрьму и пытают.

Моментально я и мама были у окна. Все окна были открыты настежь. Был сильный мороз, но никто не обращал на это внимания. Голоса рабочих присоединились к хору музыкантов.

Как раз, когда песня кончилась, во двор влетел мальчишка и закричал музыкантам: «Фашисты близко».

Музыканты подняли правые руки, сжатые в кулак, и крикнули: «Рот фронт!»

— Рот фронт! Рот фронт! Рот фронт! — громко, очень громко кричали им в ответ из окон. И я орал так громко, что потом охрип и два дня не мог говорить. Затем окна закрылись.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Сегодня Курт и я, получив рано утром от комсомольцев коммунистические листовки, решили распространять их новым способом. Мы выследили старуху, которая разносит фашистскую газету «Фелькишер беобахтер» в нашем районе, и тайком отправились вслед за ней.

Когда она вошла в первый дом, она положила свой пакет с газетами на лестнице, захватив с собой небольшую пачку, пошла разносить их по квартирам.

Как только стихли ее шаги, мы приступили к работе. Курт стоял на страже у дверей и подавал мне листовки, а я вкладывал их по одной внутрь фашистской газеты.

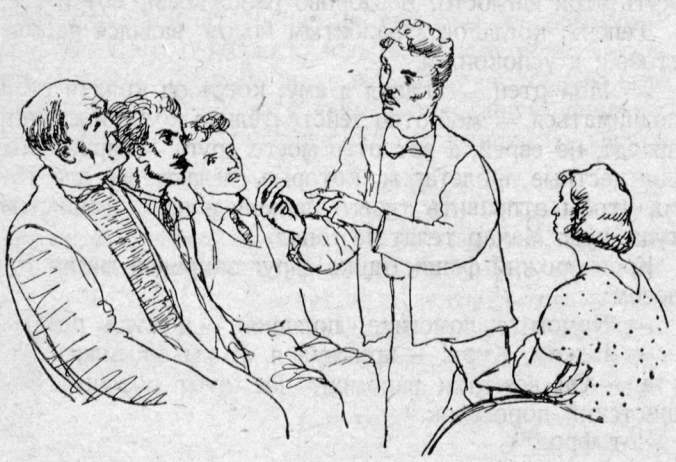
Сегодня утром рабочие и служащие этого района прочтут не только фашистское вранье о Димитрове. Они узнают правду о поджоге рейхстага.

ВТОРНИК

Сегодня вечером у меня и у Курта было самое серьезное дело за всю неделю, и мы вели себя как настоящие большевики. Мы должны были стеречь на улице, у входа, пока в квартире у отца Курта было собрание. Это было собрание одной из «пятерок», организованных нелегальной компартией для того, чтобы вести борьбу с фашистами.

Мать Курта была тоже там — с ведром и половой щеткой наготове. Я потом расскажу, зачем ей были нужны ведро и щетка.

Итак, Курт и я стояли на страже. Была темная ночь, и фонари едва светили. Через каждые 2—3 минуты кто-нибудь из нас выходил из парадного и проходил по улице, посматривая, нет ли где поблизости фашистов. На-



верху «пятерка» разрабатывала план дальнейшей работы.

Курт как раз встал для того, чтобы пройти за угол и посмотреть, не видны ли фашисты, когда на улице появилась группа в 25—30 штурмовиков, которые направлялись к нашему дому. Мое сердце сильно забилось. Что делать? Бежать ли наверх и предупредить их или?.. Фашисты были уже возле нас. Начальник заметил меня и Курта.

— Фриц Шнейман здесь живет, детки? — спросил он слащавым голосом.

Мне казалось, что я слышу, как бьется сердце Курта. Фриц Шнейман был его отец. Наверное какой-то шпик донес, что у него наверху собрание. Что-то дернуло меня за язык, и я сам не знаю, как ответил:

— Шнейман? Ну да, он живет вон там, направо, следующая дверь.

Фашисты пошли туда, куда я их направил.

— Живо, Курт, — скомандовал я. — Беги наверх и скажи товарищам, чтобы они спасались через чердак и крышу.

Никогда в жизни Курт не бегал так быстро.

Через несколько секунд я влетел в коридор, закрыл двери, разбил электрическую лампочку и помчался наверх. Я слышал, как товарищи из «пятерки» лезли на чердак. Я поднялся этажом выше и стал смотреть в слуховое окно. Я видел, как по крыше удалялись темные тени. Все дальше, дальше. Они почти исчезли.

Внизу раздался голос начальника штурмовиков:

— Это здесь, — кричал он. — Ах, щенок поганый. Попадись он только мне. И какая темень!..—Офицер топал ногами и ругался. Около меня стояло большое ведро с помоями. Я схватил его и бросил вниз. Раздался новый взрыв ругательств, но это задержало их еще на несколько минут. Потом я вылез на чердак и решил пробраться на крышу.

Мать Курта рассказала нам позже, что когда фашисты ворвались в квартиру, она мыла пол щеткой. Квартира была пуста. Они перетрясли все, что было в доме, поломали посуду и ушли не солоно хлебавши.

РЕБЯТА!

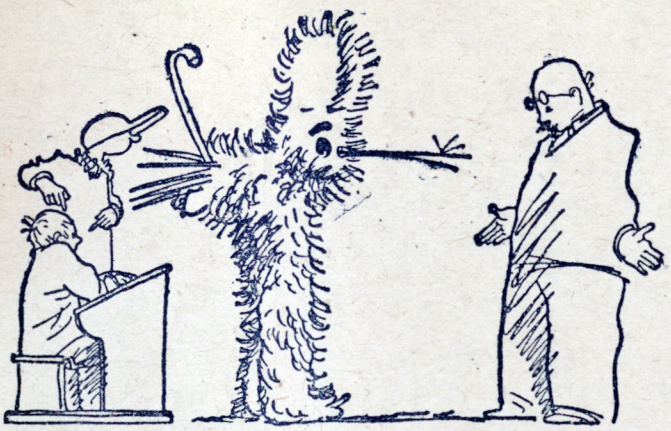
5, 17 и 29 числа каждого месяца в 8 часов вечера в помещении редакции собирается наша литбригада.

Все деткоры и читатели журнала „Пионер“ могут принять участие в ее работе.

Тут-Итам избегает опасности

(Продолжение)

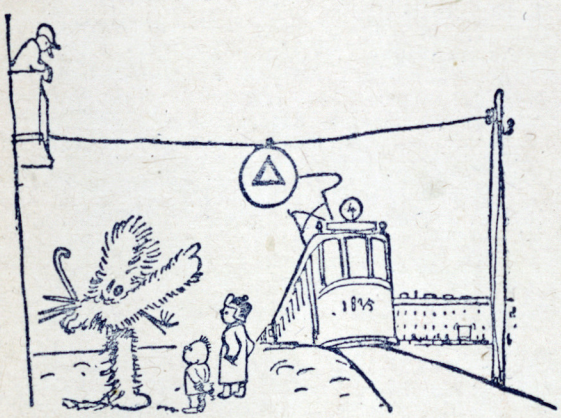
Рис. А. Каневского



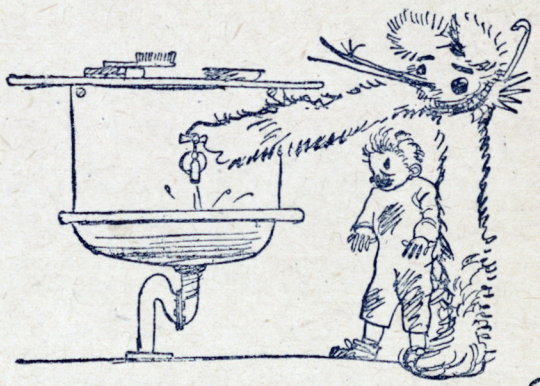
1. — Это страшно вредный и бешеный зверь, — сказал Яша Мамелюк. — Видите, как он разделал моего любимого товарища Сеню Чувильчикова: он стал совсем больной, его надо отправить в больницу. А страшного Сорокорука-человекоубийцу надо сейчас же уничтожить; посмотрите, какое у него зверское выражение лица.

2. Демьян Касьянович Образуменко, посмотрев на Сеню, сразу поверил Яше Мамелюк. Он быстро достал из военного шкафа малокалиберную винтовку и направил ее на бешеного и вредного Сорокорука. Не быть бы Тут-Итаму в живых, если бы не девочка по имени Лена, а по фамилии Крошечкина.

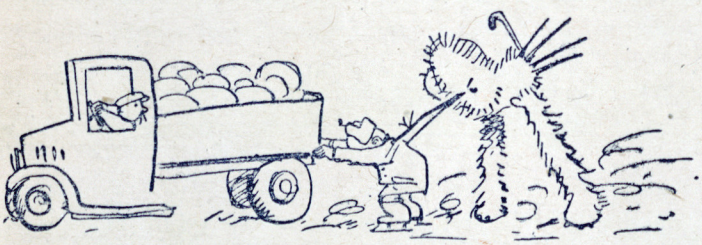
— Остановись, Демьян Касьянович, — сказала она, став перед Тут-Итамом. — Это не Сорокорук-человекоубийца, это необыкновенный Тут-Итам. Я его знаю. Он из журнала «Пионер», и не бешеный, и не вредный, а совсем наоборот. И она рассказала, какую пользу приносит Тут-Итам



3. Он рассказывает про знаки уличного движения.



4. Он может следить за чистотой.



5. Он может снимать с автомобилей прицепившихся ребят и вообще может делать очень много полезного при хорошем обращении.

6. Горячая речь Лены убедила т. Образуменко. Тут-Итам со слезами на глазах благодарил Лену.

7. Между тем Чувильчиков и Мамелюк, сообразив, что их намерения не удались, со всех ног убегали по дорожкам школьного сада.

Увидя это, Тут-Итам, не попрощавшись с Леной, бешено ринулся за ними. Что-то будет?

Цена 25 коп.

9123 №

9123 №

10 ЛЕТ ПИОНЕРА

и что об этом говорят его герои

Что бы сказал Тут-Итам, если бы он умел говорить.

— Р-р-р,—сказал бы Тут-Итам,—это мой родной журнал, потому что я в нем родился, но я жалею, что не родился на десять лет раньше. Если бы я читал этот журнал все десять лет, то не было бы на свете Тут-Итама умнее чем я.

Я постараюсь в следующем номере—это будет, если я не ошибаюсь, юбилейный номер—загладить свою ошибку. Я буду сопровождать номер с первой страницы до последней вместе со своим художником А. Каневским.

— Это что, подумал Кирюшка из «Синих звезд», когда Фигуран ему рассказал про десятилетний юбилей журнала «Пионер», — это что, подумаешь, стенную газету в честь десятилетия выпустить. Вот я так не одну стенную газету: я и литературный кружок организую в честь десятилетия и в библиотеке вечер проведу.

— Да нет, — прибавил он с горечью,—ничего я не организую, потому что Гайдар, писатель, не позволит, заставит опять тебя выслеживать Фигурана или бежать без оглядки от бородатого дяди с дубиной.

И чего это я ему дался, этому Гайдару, неужто другого мальчишку не мог для своей повести выбрать!

И печально опустил голову Кирюшка, сообразив, что не удастся ему юбилей «Пионера» как следует отпраздновать.

— Дверь моего кабинета открылась, и вошла куча ребят.

Да, я доктор Звеновой, — подтвердил я, — здравствуйте. Юбилей «Пионера» состоится в марте, читайте журнал коллективно и водиночку, утром и вечером, зимой и летом, в плохую и хорошую погоду, по столовой ложке... Тьфу!.. по два раза в месяц.

Это мой рецепт.

В следующем номере будет много интересных вещей, до свидания, мне некогда...

— Ничего нет легче, сэр, это пустяки, сэр. Я много лет праздновал десятилетний юбилей этого журнала, сэр, и все проходило прекрасно.

Прежде всего вы подписываетесь на журнал или во всяком случае покупаете юбилейный номер. Очень интересный будет номер 5—б, уверяю вас, сэр, с приложением большущей карты второй пятилетки, сэр, в четырех красках.

Потом вы устраиваете в группе коллективную читку журнала. Берете журнал и читаете. Это, право, интересный журнал. Я в нем целых полгода печатался. А если я согласился в нем печататься — значит это вполне приличный журнал, сэр. Майкель Бьерк, сэр, по прозванью Хеппи, не станет печататься в плохом журнале.

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Сдан в набор 10/II—34 г., подписан к печати 16/III—34 г. Изд. № 285 Формат 1½ 62×94 см. 1½ б. л. 135.009 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № Ц—82358 Типография газеты „Правда“, Москва, ул. им. Горького, 48. Заказ № 462 Тираж 61.00